

ОБЩЕСТВО ИЗУЧЕНИЯ МАНЬЧЖУРСКОГО КРАЯ

Отдельные издания. Сер. А. Вып. 6

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ СЕКЦИЯ

63.5(3)
1977

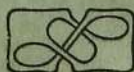
И. А. ЛОПАТИН

б. Приват-Доцент Дальневосточного Государственного
Университета во Владивостоке

ОРОЧИ—СОРОДИЧИ МАНЬЧЖУР

- I. ВВЕДЕНИЕ.
- II. ПУТЕШЕСТВИЕ В СТРАНУ ОРОЧЕЙ.
- III. ПРЕЖНИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ ОРОЧАХ.—РАССЕЛЕНИЕ ОРОЧЕЙ.
- IV. ЧИСЛЕННОСТЬ ОРОЧЕЙ.—ВЫМИРАНИЕ ЭТОГО ПЛЕМЕНИ.
- V. МАТЕРИАЛЬНЫЙ БЫТ ОРОЧЕЙ.
- VI. СЕМЕЙНЫЙ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ.—РОДОВАЯ МЕСТЬ.
- VII. РЕЛИГИЯ ОРОЧЕЙ.—МЕДВЕЖЬИ ПРАЗДНИКИ.

С 31 рисунком и 2 картами в тексте

ХАРБИН
1925.

ОБЩЕСТВО ИЗУЧЕНИЯ МАНЬЧЖУРСКОГО КРАЯ

СПИСОК ИЗДАНИЙ.

ОБЩИЕ ИЗДАНИЯ:

Устав Общества Изучения Маньчжурского Края. 1922.

То же на китайском языке. 1923.

Известия Общества Изучения Маньчжурского Края.

* № 1 Ноябрь 1922.

— 2 Январь 1923.

— 3 Июнь 1923.

— 4 Февраль 1924.

— 5 Май 1924 г.

То же на китайском языке № 1. 16 июля 1923.

БИБЛИОТЕКА ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННОЙ СЕКЦИИ:

№ 1. Леса и лесная промышленность Северной Маньчжурии. 1923.

— 2. Хлебная торговля и мукомольная промышленность в Северной Маньчжурии. 1923.

* — 3. Каменный уголь на Маньчжурском рынке. 1924.

* — 4. Восточная Монголия и монгольское сырье. 1924.

* — 5. Молочное хозяйство в Китае и Северной Маньчжурии. 1924.

Отдельно:

А. И. ПОГРЕБЕЦКИЙ. Денежное обращение и денежные знаки на Дальнем Востоке в период войны и революции (1914—1924). Харбин. 1924.

ИЗДАНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С ВЫСТАВКОЙ 1923 г.:

Бюллетень Общества Изучения Маньчжурского Края и Юбилейной Выставки Китайской Восточной железной дороги №№ 1 и 2. 1923.

Премированная промышленность Северной Маньчжурии. 1924.

ОТДЕЛЬНЫЕ ИЗДАНИЯ:

Серия А:

Вып. 1. Н. А. БАЙКОВ. Маньчжурский тигр. С 2 карт. и 15 рис. в тексте и 1 табл. в красках Харбин. 1925.

„ 2. Б. В. СКВОРЦОВ. Гигантская кувшинка Сунгарийских озер. С рисунками в тексте и 2 таблицами. Харбин. 1925.

„ 3. А. А. БОЛОТОВ. Амур и его бассейн. С 35 рисунками в тексте и 1 картой. С приложением вводного очерка „Амур“ проф. В. В. Ламанского. Харбин. 1925.

„ 4. Б. В. СКВОРЦОВ. Тыквенные культуры Северной Маньчжурии. С 17 рисунками и 3 таблицами. Харбин. 1925.

„ 5. Н. А. БАЙКОВ. Изюбрь и изюбредводство. С 9 рисунками и 1 картой. Харбин. 1925.

„ 6. И. А. ЛОПАТИН. Орочи—сородичи маньчжур. С 31 рисунком и 2 картами. Харбин. 1925.

„ 7. Б. В. СКВОРЦОВ. Слива в Северной Маньчжурии. С 11 рисунками в тексте. Харбин. 1925.

„ 8. А. А. ПУРИН. Задачи и проблемы электрметеорологии. С 3 чертежами и 1 картой. Харбин. 1925.

СКЛАД ИЗДАНИЙ:

Музей Общества Изучения Маньчжурского Края.

Московские Торговые ряды, № 11, ХАРБИН, Маньчжурия.

Издания, отмеченные *,—разошлись.

Библиотека им. Семьи Талковых
от Леониды С. Полевой - Санкт-Петербург, Юта, США
С наилучшими пожеланиями! 26го мая 1997г.

ОБЩЕСТВО ИЗУЧЕНИЯ МАНЬЧЖУРСКОГО КРАЯ

Отдельные издания. Сер. А. Вып. 6

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ СЕКЦИЯ

И. А. ЛОПАТИН

б. Приват-Доцент Дальневосточного Государственного
Университета во Владивостоке

ДАР
Л. ПОЛЕВОГО

ОРОЧИ—СОРОДИЧИ МАНЬЧЖУР

- I. ВВЕДЕНИЕ.
- II. ПУТЕШЕСТВИЕ В СТРАНУ ОРОЧЕЙ.
- III. ПРЕЖНИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ ОРОЧАХ.—РАССЕЛЕНИЕ ОРОЧЕЙ.
- IV. ЧИСЛЕННОСТЬ ОРОЧЕЙ.—ВЫМИРАНИЕ ЭТОГО ПЛЕМЕНИ.
- V. МАТЕРИАЛЬНЫЙ БЫТ ОРОЧЕЙ.
- VI. СЕМЕЙНЫЙ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ.—РОДОВАЯ МЕСТЬ.
- VII. РЕЛИГИЯ ОРОЧЕЙ.—МЕДВЕЖЬИ ПРАЗДНИКИ.

С 31 рисунком и 2 картами в тексте

ХАРБИН

1925

63.5(3)
177

ГУМАНИТАРНЫЙ
ЦЕНТР
Г. ИРКУТСК

1147 (3)
16791 ✓✓

ГЦ Историко-
краеведческий
отдел

ГЦ ФОНД
РЕДКИХ КНИГ

ОРОЧИ—СОРОДИЧИ МАНЬЧЖУР.

1. ВВЕДЕНИЕ.

Занимаясь в течение последних тринадцати лет этнографией туземцев Русского Дальнего Востока и Маньчжурии, я до прошлого года не приходил в прямое соприкосновение с самым восточным из тунгусских племен, а именно—с орочами, живущими по берегу Тихого океана, к востоку от водораздельного хребта Сихотэ-Алинь. Лишь летом 1924 года мне удалось совершить поездку в область, обитаемую этим маленьким охотничьим народцем. Для каждого, интересующегося историей Маньчжурии, орочи, вместе с гольдами, представляют значительный интерес. Дело в том, что оба эти народа являются ближайшими сородичами маньчжур, составляя вместе с последними Южную или Маньчжурскую ветвь тунгусской группы народов. Язык орочей чрезвычайно близок к маньчжурскому языку; каждый ороч способен понимать маньчжурскую речь. Маньчжурские фразы, записанные мною по совету проф. А. В. Гребенщикова перед отправлением в экспедицию, оказались понятными для всех орочей, которым я их читал. Помимо того, орочи понимают гольдскую речь; каждый гольд, приезжая к орочам, говорит на своем языке, и орочи понимают его и отвечают ему по-орочски, что, в свою очередь, понятно гольду. Такие беседы мне приходилось слышать во время поездки, да и лично сам я вполне убедился в близости гольдского и ороцкого языков, так как был понимаю орочами каждый раз, когда говорил им по-гольдски. Близость трех гоименованных народов указывает, что в древнейшие времена все они имели одну и ту же культуру. Вывод этот, с одной стороны, подтверждается литературными памятниками на маньчжурском языке, из которых явствует, что маньчжуры имели много охотничьих первобытных черт, а с другой стороны,—сравнительным анализом материального быта, семейного и общественно-го строя и даже верований орочей, гольдов и древних маньчжур. Однако, в то время, как маньчжуры развились культурно и, покинув свою родину, устремились в Китай и покорили его, основав там маньчжурскую династию, гольды и орочи остались на Амуре и в Приморьи и продолжают жить первобытной жизнью охотников и рыбаков. Изучение орочей и гольдов имеет, в виду этого, большое значение для понимания исторического прошлого маньчжурского народа, не говоря уже о том, что изучение каждого малокультурного

племени чрезвычайно важно в антропологическом, этнографическом и археологическом отношении и дает много материала для истории культуры и человечества вообще.

II. ПУТЕШЕСТВИЕ В СТРАНУ ОРОЧЕЙ.

Поездка моя к орочам была совершена из Владивостока, который я покинул 3 июля 1924 года, сев на пароход «Алеут», шедший на Сахалин, с заходом во многие гавани между Владивостоком и устьем Амура. Поставив себе целью этнографическое и экономическое исследование жителей лесов Приморья, я имел намерение обследовать наиболее населенный туземцами район Советской гавани, называвшейся ранее Императорской гаванью, а равно район бухты Датта. После семи с половиной суток плавания я прибыл в Советскую гавань 11 июля, в 6 часов утра, где и высадился, предполагая заняться сначала обследованием туземцев орочей, живущих в районе Советской гавани, а затем переправиться в ближайшие гавани и продолжить там свои наблюдения над живущими в их окрестностях орочами. Однако, узнав, что пароходное сообщение с ближайшими гаванями затруднено и происходит крайне нерегулярно, вследствие чего могло случиться, что я буду принужден ждать попутного парохода или катера не менее двух недель, я решил воспользоваться как раз уходившим в это время японским катером «Кацуга-мару», который здесь носит название концессионного катера, ибо на нем происходит сообщение с японской рыболовной концессией в этом районе. Катер уходил в бухту Датта с тем, чтобы потом немного подняться по реке Тумнин, впадающей в эту бухту. Администрация концессии любезно разрешила мне проезд на названном катере, и я на следующий же день, 12 июля, в 3 часа утра, выехал в бухту Датта. Ранний час отправления в путь был назначен с той целью, чтобы воспользоваться тихой, утренней погодой на море и избежать большого ветра и волнения. В 10 часов утра катер уже прибыл в Датта, а в половине второго пополудни отправился вверх по р. Тумнину и часов в 7 вечера остановился у русской деревни Алексеевки. Далее катер не пошел, так как служащие концессии, которых он вез, ехали лишь до этого именно пункта.

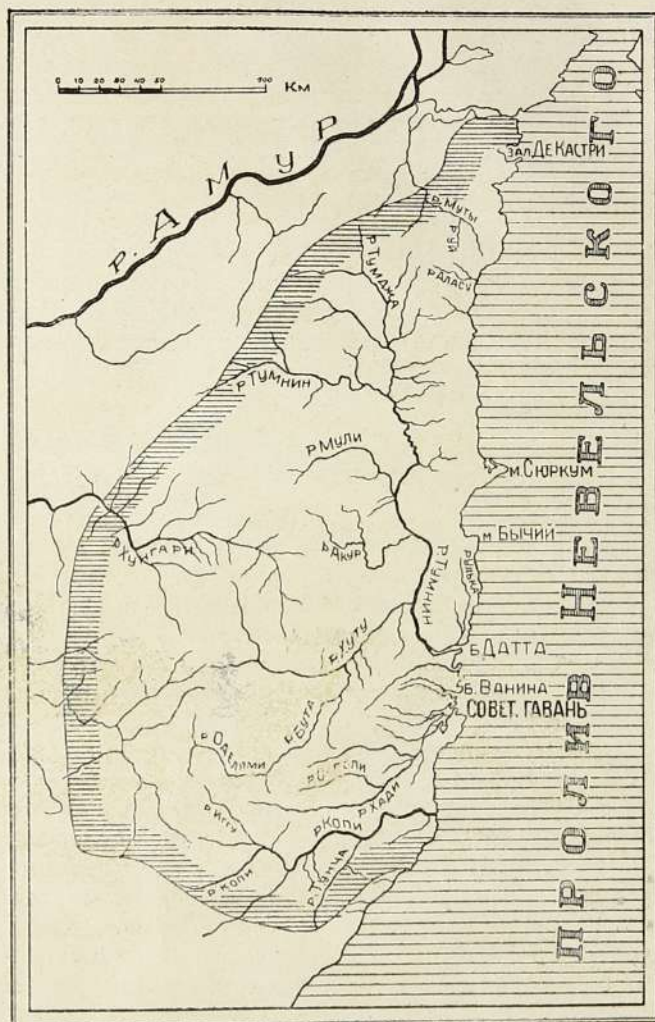
Как только катер «Кацуга-мару» остановился у дер. Алексеевки, к нему подъехали орочи на нескольких

лодках-однодрёвках, называемых «ульмагдэ». Их было около 10 человек. Переговорив с орочами, я погрузил свое имущество на две их ульмагды и отправился с ними по реке Тумнину в стойбище Монгокто, лежащее верстах в 4 выше Алексеевки. Здесь, на первой моей остановке среди туземцев, я приступил к систематическому собиранию сведений о их жизни, культуре и верованиях.

зываемых по местному «болодже» *). Шалаши эти выстроены из жердей и покрыты лиственничной или кедровой корой. Кроме орочей, в Монгокто живут еще две семьи тунгусов в количестве 8 человек. Они причисляют себя к народности Ывынки (как они себя именуют), и к роду Ыдэн. Оленей они потеряли, и вследствие этого живут теперь тою же жизнью, что и орочи, ничем от них на первый взгляд не отличаясь, кроме языка. Се-

Область орочей.

Только по устьям рек и бухтам имеются редкие русские поселения и японские рыбалки, вся же остальная территория, занимающая около 47.000 кв. километров, т.е. в полтора раза больше Бельгии, безлюдна, и здесь живут только бродячие орочи, селящиеся небольшими стойбищами. Дорог никаких; сообщение происходит либо по рекам, либо по охотничьим тропам. Общая численность орочей менее 500 душ. Изредка с западной стороны хребта сюда прикочевывают тунгусы со своими стадами оленей.

The territory ranged by the Orochee tribe.

Sparse Russian settlements and Japanese fishing stations are only to be met with at the estuaries of the rivers and on the shores of bays and gulfs washed by the sea. The remaining territory of about 47,000 sq. kilom., or one and a half times the area of Belgium, is almost destitute of people. Here the nomad tribes of Orochee wander, sometimes settling in small nomad camps. Of roads there are none; methods of communication are sustained by river or along little known hunting tracks. The numerical strength of the tribe is estimated at about 500 souls. Sometimes a band of Tungus cross the Western divide and with their herds of reindeer wander within the territory.

Приехав в Монгокто, я разбил на берегу взятую с собою палатку, перенес в нее из лодок свое имущество, — словом, основал здесь временное жилище. Это оказалось наиболее рациональным разрешением вопроса о ночлеге, а потому в течение всей работы, где бы я ни останавливался: в туземных ли стойбищах, или даже в русских селениях (напр., в Датта, в Совгавани и др.), я всюду устанавливал свою палатку на берегу, и жил только в ней.

В Монгокто я прожил шесть дней. Здесь я нанял себе для работы в качестве помощника, переводчика, проводника и рабочего одного местного туземца из орочей, по имени Николай Саманик. Этот Николай в течение всей поездки сопровождал меня, получая от меня по договору по 30 рублей в месяц (вернее — по 1 рублю в день).

В Монгокто живет 12 семейств орочей в количестве 50 человек. Стойбище состоит из 8 шалашей, на-

ходятся они в таких же болодже, одеваются в такие же костюмы, занимаются охотой и рыбной ловлей; только при близком и внимательном ознакомлении с ними, оказывается, что эти тунгусы хранят в полной чистоте свой язык, свои обычаи, свои верования и народную поэзию.

Окончив свои наблюдения в Монгокто, я отправился вверх по реке Тумнину, в следующее стойбище орочей. Средством сообщения были те же ульмагды, на которых я прибыл из Алексеевки в Монгокто. Ульмагда представляет из себя лодку, выдолбленную из одного ствола дерева. К носовой ее части прикрепляется

*) Почему-то среди местного русского населения ороческие болодже называются балаганами. Это странное и неправильное название настолько укоренилось, что употребляется даже туземцами при их разговорах с русскими и даже проникло в литературу. Например, мы встречаем его в трудах Нардова, Маргаритова, Брайловского и др.

плоский кусок дёрва, нечто в роде доски, во всю ширину ульмагды, для того, чтобы об эту доску разбивались волны. По виду ульмагда похожа на большое корыто. Но, несмотря на это, в воде она чрезвычайно неустойчива и готова в любой момент опрокинуться, вследствие чего плавание на ней и управление ею является трудным искусством, которое доступно только туземцам.

Следующим за Монгокто идет стойбище Хунда, состоящее из трех болоджей, в которых обитает четыре семьи, насчитывающие всего 15 душ. Я произвел здесь антропологические измерения всех взрослых орочей, сфотографировал все наиболее замечательное в этом стойбище и, долго не задерживаясь, поехал дальше, в следующее стойбище Уська.

дать мне много ценных сведений по интересующим меня вопросам. Поэтому я несколько раз посетил это русское селение. Бессолов живет среди орочей 15 лет, занимаясь торговлей пушниной и лесным промыслом; его можно назвать большим знатоком этого района, и, вследствие этого, он является очень полезным человеком для этнографа—в частности.

В стойбище Уська я прожил 10 дней. Материала для исследовательской работы здесь оказалось очень много, но ограниченность времени заставила меня покинуть это интересное поселение и отправиться дальше, вверх по реке.

Выше Уська находится несколько небольших стойбищ, а именно: У, Дагджа Нижняя и Дагджа Верхняя. В стойбище У стоит два шалаша, в которых живет 4 се-

Группа орочей в их повседневных костюмах.

Снята во время возвращения их с рыбной ловли на Нижнем Тумнинне.

A group of Orochee in everyday costume.

Taken on their return from a fishing expedition down the lower Tumnin.

Стойбище Уська имеет 7 болоджей, в которых живет 11 семейств, численностью в 40 человек. Стойбище это очень интересно в этнографическом отношении. В то время как Монгокто и Хунда являются только летними стойбищами, Уська служит стойбищем и в летнее, и в зимнее время. Вместе с летними шалашами или несколько поодаль от них здесь находятся также и зимние жилища орочей. Вследствие этого, этнографу здесь представляется возможность встретить все предметы материального обихода орочей, а также наблюдать все моменты их быта, общественной жизни и культуры, между тем как в Монгокто я видел только рыболовные принадлежности, а охотничьих снарядов, луков-самострелов, ловушек и прочих орудий звериного лова я не видал, так как жители Монгокто зимою живут в другом месте, а следовательно, весь зимний инвентарь их хранится на местах зимних стоянок.

Помимо того, в Уська живет известный местный шаман Окко Акунка и две шаманки: Почака и Аска, принадлежащие к тому же роду Акунка. Все они, по моей просьбе, шаманили согласно моим заданиям; кроме того, я наблюдал их камлания по их собственной инициативе и по поручению их земляков.

Недалеко от стойбища Уська, на противоположном берегу реки, находится небольшое русское селение; здесь живут Пашкеевы, Бессолов и др. Как Пашкеев, так особенно Бессолов, были полезны мне в том отношении, что, живя среди туземцев в постоянном с ними общении, они близко знали жизнь орочей и могли

сведения, численностью в 18 человек; в стойбище Дагджа Нижняя—3 шалаша, в них 5 семейств, численностью в 20 человек, и в стойбище Верхняя Дагджа—2 шалаша, с двумя семьями в 8 человек. Все эти стойбища летние, а потому ничем не замечательные. Я проехал их в один день и в тот же день к вечеру прибыл в стойбище Джяуся.

Стойбище Джяуся—типичное летнее место жительства орочей. В нем находится 5 шалашей с 5 семьями, с общей численностью в 16 человек. Стойбище это интересно тем, что в нем живет орочка Ольга Акунка, которая является самой замечательной женщиной среди всего народа орочей и заслуживает самого внимательного отношения к себе не только со стороны исследователя, но и со стороны просвещенной и заботливой администрации. Ольге Акунка 33 года. Будучи очень умной и развитой, она особенно выделяется по сравнению со своими соплеменниками удивительной чистоплотностью. В то время, как все орочи почти никогда в жизни как следует не моются, и одежду носят до полного ее истления на теле, она умывается не один раз в течение дня, всегда чисто и опрятно одета, причесана и, вообще, резко выделяется среди своих земляков культурностью во всех отношениях. В жилище у нее удивительная чистота и порядок, имеется умывальник, мыло, посуда, столовые принадлежности и различные домашние вещи русского производства. Одеваться она любит в русское платье. Замечательнее же всего то, что она первая из орочей стала возделывать огород,

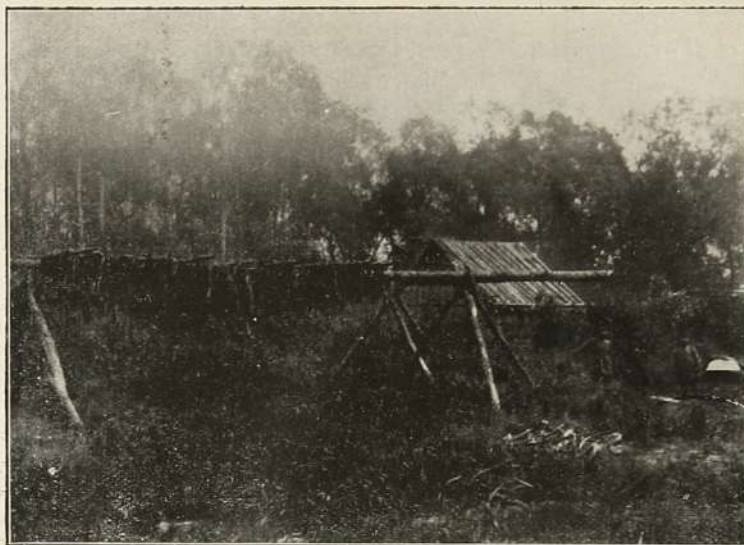
завела домашнюю птицу и собирается приобрести корову. Правда, главной причиной такой культурности приходится считать то обстоятельство, что она была несколько лет негласной женой одного русского мехоторговца, долго жившего в ороческом стойбище (Хутудатта). Без сомнения, он привил ей любовь к чистоте, ука-

В Хутудатта живет несколько шаманов, пользующихся большой популярностью среди своего народа.

В Хутудатта я прожил неделю, разъезжая по различным, иногда отдаленным шалашам этого многолюдного стойбища.

Сушилка для вяления рыбы.

Свежая рыба разрезается вдоль на четыре полосы и вывешивается на сушилку. Здесь она вялится, подвергаясь всем колебаниям погоды. После того как рыба станет совершенно сухой, она складывается в амбары.

A wooden shed for fish drying in the open.

Fresh fish is slit into four horizontal slices and hung up to dry in the air. Here it is exposed to every and other change of the weather. When perfectly dry it is stored in barns or store houses

зал на пользу огорода, домашних животных и т. д., но нельзя отнять у этой женщины и собственной инициативы во многих ее культурных начинаниях. Все орочи очень уважают Ольгу, и добрая слава о ней распространяется далеко по территории орочей и даже среди русского населения этого района.

После Джаяся я проехал в стойбище Хутудатта.

Это самое большое стойбище на территории орочей; оно является центральным пунктом своего рода столицей. Здесь насчитывается 21 жилище, в которых живет 23 семейства, всего числом 101 человек. В селении этом жил старшина Тумнинских орочей Буденгари Акунка, пользовавшийся среди соплеменников огромным авторитетом, как лучший знаток ороческого обычного права. Русскому населению он также был хорошо известен, как человек умный и честных правил. В течение своей долгой жизни, от молодых лет, он с честью носил почетное звание старшины. Умея отстаивать интересы своего народа, он в то же время ладил с администрацией, выполняя все требования властей. Исследователя края, соприкасавшиеся с Тумнинскими орочами, также были довольны их старшиною Буденгари. Они встречали с его стороны радушное гостеприимство, он сообщал много полезных сведений, как опытный человек, и, кроме того, пользуясь властью старшины, он оказывал им большое содействие в их продвижении, продовольствии и вообще исследовательской работе. Один из исследователей, а именно В. К. Арсеньев, даже исключотал ему в 1907 году серебряную медаль и благодарность, выраженную через главного начальника края. Этот замечательный ороч умер ныне весной, оставив 2 жен и потомство в 21 человек. Между прочим, описанная выше Ольга была его дочерью.

Хутудатта является одновременно зимним и летним стойбищем орочей. Разделяется оно на два поселка: зимние жилища находятся на правом берегу, а летние на противоположном левом берегу и на островах, усеивающих русло реки в этом месте.

Выше Хутудатта я вверх по Тумнину не поднимался. Отсюда я повернул обратно, так как далее вверх в это время года совершенно не было орочей. В поисках рыболовных участков орочи часто переезжают с места на место. Нередко можно видеть стойбище, в котором совершенно никого нет, так как все жители уехали ловить рыбу в какое-нибудь другое, иногда очень удаленное место.

При возвращении назад я останавливался в каждом из посещенных уже стойбищ, чтобы измерить или сфотографировать тех орочей, которых я не застал при первом своем посещении. Но эти остановки были короткими, часа по два-три не более, и только в Уська я прожил три дня.

Спускаться по р. Тумнину было очень легко. Ульмагда быстро несется по стремительной черной реке, грозя ежеминутно опрокинуться или разбиться о камень, и только орочи умеют управлять этим суденышком, изумительно ловко обходя все опасные места. 4 августа я прибыл в селение Датта и, не задерживаясь здесь, поехал далее на р. Ульку, имеющую с р. Тумнин одно устье, или, вернее, впадающую вместе с последним в общий лиман.

По р. Ульке я посетил два стойбища. Одно из них, ближайшее к русскому селению Датта, почти заброшено; другое по названию Улька, имеет 8 шалашей, в которых живут 9 семей, численностью в 35 человек.

В стойбище Улька за время моего пребывания на р. Тумнине, произошла кровавая драма. Ороч Торга Намунка (старик лет шестидесяти) имел молодую, лет 30-ти жену Гындя (по-русски—Лукерья) из рода Пунэдинга. Жена была ему не верна, свободно располагала собою и за последнее время имела любовника, молодого ороча Мапачака из рода Акунка. Старый муж ревновал и страдал, но терпел до той поры, пока жена оставалась у него в жилище. В июле месяце текущего года жена совершенно отказала мужу в разделении супружеского ложа, и почти открыто проводила время

со своим любовником. Выбрав минуту такого свидания, старый муж напал на них с ружьем и хотел убить

Ольга Акунка.

Костюм у нее не вполне орочий, а с китайскими заимствованиями, прическа также не орочая.

Olga Akunka.

The costume worn is not distinctively Orochee in character but is borrowed in part from the Chinese. The manner of dressing the hair is likewise not typical of the Orochee tribe.

обоих. Но он так волновался, что ружье дало два раза осечку, в следующий же момент молодой и сильный Мопачака (любовник) выхватил ружье из рук старого мужа и стал его избивать. На крик сбежались орочи —

как-раз все родственники Мопачака. Эта безумевшая толпа жестоко избивала несчастного старика. Освободившись от нападавших, он с трудом добрался до лодки и поехал в русское селение Датта жаловаться на обидчиков русским властям. Была глубокая ночь, когда он приехал в Датта, и поэтому белный старик ничего не мог добиться. С досады он поехал обратно, но на обратном пути в половине расстояния между Датта и стойбищем Улька вышел на берег, где, должно-быть, обдумал и сознал все горе и безвыходность своего положения, и... покончил свою тяжелую жизнь самоубийством. Ружье, которое ему изменило при его намерении убить изменницу жену и ее любовника, на этот раз осталось верным, и собственная рука не дрогнула. На кровавое место самоубийства приезжали орочи, приезжали русские власти из Датта, производили следствие, было много шума. Старика, в конце концов похоронили и, по ороческому обычаю, на его одинокой могиле, на месте самоубийства, положили оморочку с веслами, лыжи и охотничьи принадлежности, которые, по верованию орочей, будут ему необходимы в загробной жизни.

Окончив работу в стойбище Улька, я выехал обратно в Датта с тем, чтобы отправиться отсюда в Советскую гавань на пароходе «Георгий», который по моему расчету, должен был вскоре прийти в Датта. Но пароход этот, следовавший с Сахалина, прошел сразу в Советскую гавань минуя Датта, несмотря на то, что здесь его ожидали много пассажиров и грузотправителей. Последние телеграфировали в Совгавань, прося пароход вернуться в Датта. Пароход, действительно, вернулся, но вторично в Совгавань уже не заходил, а прошел сразу в устье реки Копи, где имеется селение и гавань того же названия (Копи). Таким образом, мой план развалился: вместо того, чтобы ехать в Совгавань я должен был следовать в селение Копи. Правда, побывать в Копи входило также в мой план, но только после окончания работы в Совгавани. Меня постигла в путешествии участь, общая для всех пассажиров Севера Приморья. Так как здесь нет хороших гаваней, и, поэтому, во время плохой погоды пароходы не могут делать остановок у многих населенных пунктов, то они проходят мимо и провозят грузы и пассажиров на далекое расстояние от места их назначения.

Стойбище Дзяуся.

Налево летний шалаш Ольги Акунка. Около него стоит ее муж старик шестидесяти лет. Ребенок в белой рубашке—сын Ольги, мальчик десяти лет.

The nomad camp „Dshavusia“.

To the left is to be seen the tepee belonging to Olga Akunka. Her husband an old man of three score years is seen standing beside her. Her son, a boy of ten, is the youngster in the white shirt.

Из-за этих же причин пассажиры нередко сидят на берегу 2—3 недели, ожидая парохода.

Приехав в Кюпи 10 августа, я тут же на берегу вскоре встретил 5 человек орочей. Я немедленно их измерил, сфотографировал и опросил. Из их рассказов выяснилось, что в данный момент близ устья реки Копи орочей нет, а находятся они в верховьях и разбросаны в разных местах. Всего здесь живет 16 семей, численностью в совокупности — 67 человек.

Вследствие того, что времени у меня оставалось мало и нужно было посетить интересный в этнографическом отношении район Советской гавани, я ограничился тою работою, которая была произведена мною в устье р. Копи, а не стал подниматься по этой реке. К тому же имелась возможность воспользоваться японским концессионным катером, шедшим в Советскую гавань. На нем я и уехал туда.

Советская гавань представляет лабиринт из прекрасных и удобных для стоянки судов обширных бухт, из которых каждая имеет многочисленнейшие причудливые по очертанию и тоже удобные бухточки. В эти бухты впадают многочисленные речки. Наиболее значительные из них Хади и Май. По этим рекам, а также по всем мелким речкам ранее, лет 50—70 тому назад, жили орочи. В настоящее время они живут только по течению реки Хади и Май, и то в небольшом числе, а на всех остальных реках вымерли или перебрались с них, теснимые русскими, в другие места по реке Копи, р. Тумнин и др.

В Советской гавани я в тот же день встретил орочей, которые сюда приехали для продажи ягод. Они, вообще, очень часто приезжают сюда для продажи своих товаров: ягод, грибов, рыбы, звериного мяса, иногда мехов, а также для покупки необходимых им продуктов, как-то: муки, крупы, чаю, пороху, свинцу, табаку, но чуть ли не чаще всего приезжают за водкой, до которой очень падают.

С орочами в их лодках я поехал по реке Хади. Здесь находится 5 стойбищ на протяжении 30 верст. Стойбища идут вверх от устья реки в следующем порядке: Дулука, Джеко, Кадача, Гупомэ и Абу. Всего населения на реке Хади в настоящее время 40 человек.

На р. Хади я провел за работой всего 12 дней. Там, между прочим, в стойбище Абу встретил ороча Тимофея Бисанка, который отлично помнит Маргаритова, посетившего это место 37 лет тому назад с целью этнографических исследований. Тимофей Бисанка ездил с Маргаритовым и даже хорошо помнит, что именно он сообщал Маргаритову в качестве сведений этнографического характера. Помнит он также последующих исследователей края — Иванова, Эдельштейна, Арсеньева и других. Этот энергичный и умный ороч, несмотря на свой немолодой возраст (ему 55 лет), сопутствовал и мне, и по дороге сообщал много интересных сведений и, вообще, оказывал много содействия.

После Советской гавани, я посетил бухту Ванино, в которую впадает речка Уй. На этой речке когда-то было много населенных стойбищ, теперь же существует только три: Кендхэ, Ниесэ и Кумтэ.

После бухты Ванино я отправился снова в Советскую гавань, откуда пароход «Алеут» доставил меня во Владивосток.

Подвожу итоги моему путешествию. В общей сложности я пробыл в экспедиции ровно два месяца, при чем

за это время мною было сделано 1.400 верст на одних пароходах и катерах, и около 300 верст другими способами, главным образом на орочьих лодках.

III. ПРЕЖНИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ ОРОЧАХ. РАССЕЛЕНИЕ ОРОЧЕЙ.

Лесные пространства Приморской губернии населены орочами, удэхэ, тунгусами и гольдами. Все эти народности являются представителями тунгусского племени и относятся к Урало-алтайской группе желтой расы. Близкие между собою орочи, удэхэ и гольды относятся к южной или маньчжурской ветви, а тунгусы — к северной ветви тунгусского племени.

В названии орочей все время происходила, и по сейчас еще происходит, путаница. Сам себя народ называет орочи, но русские, пришедшие в первый раз в Приморскую окраину 70 лет тому назад и знакомые в Забайкалье и Амурской области с народом тоже тунгусского племени оленеводами-орочонами, стали и новый для них народ орочей называть по созвучию, но, конечно, совершенно неправильно — «орочонами». Дело дошло даже до того, что и сами орочи в разговоре с русскими называют себя ороचनाми, так как местные русские правильного названия «орочи» совершенно не знают и никогда не употребляют.

Путаница с названием орочей увеличилась еще и от того обстоятельства, что не только местное русское население, но и старинные исследователи края (Надаров, Белькович, Альфтан, Леонтович и так до Брайловского, 1897 г.), под именем сначала «орочон», а потом под более правильным именем «орочи» объединяли не только орочей, но и их южных и западных соседей, составляющих совершенно особый народ — удэхэ. В литературе название «удэхэ» совершенно не знали и не употребляли, а в жизни вовсе не отличали орочей от удэхэ. Между тем, разница между орочами и удэхэ весьма значительная. У них различный внешний вид, различный язык; равным образом в занятиях, в материальном быту и, вообще, в культуре обоих народов замечается большая разница. Так, например, орочи — мужчины носят одну косу, обвитую шнуром и спускают ее назад, в то время как удэхэ носят две косы, также обвитые шнуром, но спущенные вперед. Удэхэ почти постоянно одеваются в китайский костюм, наоборот, орочи никогда не носят китайского костюма, а имеют свой. Удэхэ строят в качестве жилища фанзы китайского образца, а орочи их совершенно не знают и живут в самобытных шалашах. Удэхэ имеют огороды, курят опиум. Орочи за исключением одного-двух случаев совершенно не занимаются огородничеством и земледелием и опиума не употребляют. Вообще, нужно заметить, что удэхэ сильно поддались китайскому влиянию и даже усвоили китайский язык. К орочам же китайская культура проникла только в самой слабой степени. Китайского языка они совершенно не понимают; недаром же они называют китайцев на своем языке «маньжю», т. е. принимают их за маньчжуров, а собственно китайцев они до последних десятилетий не знали и в непосредственное соприкосновение с ними не приходили.

Язык орочей настолько отличается от языка удэхэ, что орочи скорее понимают амурских гольдов и оль-

чей, чем удэхэ, которых они, кстати сказать, называют на своем языке «кякар», между тем как последние сами себя называют «удэхэ».

За отсутствием письменности и в виду низкого культурного уровня, орочи не имеют своей истории, народная же память чрезвычайно слаба и не хранит в себе почти ничего о прошлом народа. Правда, в некоторых произведениях народной поэзии упоминается, что народ орочей происходит с севера, и что в старину орочи занимались оленеводством. Мне удалось записать сказку, где рассказывается, как один отец в приданое своей дочери-невесте дал стадо оленей и ее самой посадили на оленя, навьюченного всяким доб-

тописей через И-лоу и далее Мо-хэ. Если же И-лоу и Бохай считать родственными корейцам, а прародину тунгусско-монгольского иранарода искать на юге Алтая, то Су-шень, И-лоу и Бохай не будут в родстве с предками орочей. В таком случае придется допустить, что предки орочей спустились по реке Аргунь и далее по Амуру до его нижнего течения. Тут в начале 7-го века по Р. Х. усилились Мо-хэ, от которых отделился клан Хэй-шуй, что значит «чернореченцы», так как р. Амур называлась «Черной рекой», а Хэй-шуй жили именно на Амуре. От этих Хэй-шуй (чернореченских тунгусов) произошли орочи и гольды. Впоследствии орочи, должно-быть, перевалили

Стойбище Улька.

Видны шалаши и амбары. Спереди виден нос лодки (ульмагды), с которой и произведен фотографический снимок. На лево видна другая такая же лодка.

Nomad camp „Ulka“.

Tpees and store houses are to be seen in the distance. In the foreground the nose of a boat (ulmagda) is to be discerned from which this photograph was taken. The same type of boat is to be seen to the left.

ром. При обсуждении этой старинной сказки присутствовавшие орочи все в один голос уверяли, что ранее когда-то они были оленеводами. Об этом делал догадки Л. Я. Штернберг еще 28 лет тому назад, но тогда еще был в силе авторитет академика Л. Шренка, который высказывался за южное происхождение орочей. В настоящее время можно считать более вероятным то положение, что орочи пришли с севера и когда-то, действительно, были оленеводами, но потеряли своих оленей вследствие массового падежа, как и теперь иногда теряют их тунгусы. За это предположение говорят отмеченные только-что их предания и ряд других признаков: например, северный тип их жилищ (болодже), сходное с северными тунгусами устройство детской колыбели и, наконец, стремление их уходить на исконные места охоты на север в верховья рек, находящихся в непосредственной близости к Амуру.

Наоборот, удэхэ скорее всего нужно приписать южное происхождение. В этом смысле следует понимать и Л. Шренка, который не отличал орочей от удэхэ. Известный синолог архимандрит Палладий даже прямо говорил о южном происхождении из Маньчжурии «тазов», т.-е. удэхэ, а не орочей, как это потом стали считать Брайловский и другие. Таким образом, и эта путаница была вызвана смешением старыми исследователями двух разных народов—орочей и удэхэ.

Вопрос о происхождении орочей тесно связан с вопросом о том, где искать прародину маньчжур. Если ее видеть на юге Маньчжурии, то генеалогический их ствол будет идти от легендарных Су-шень китайских ле-

через водораздельную линию и спустились в долину р. Тумнина, с которой и расселились по теперешней своей территории. Такое переселение могло произойти совсем недавно: 300—400 лет тому назад. Мне орочи указывали на реку Тумнин, как на их исконную территорию. Долина р. Тумнина и в настоящее время является наиболее населенным местом у орочей.

В настоящее время орочи живут на р. Тумнин, р. Улька, Сюркум и к северу, вплоть до залива Де-Кастри. Правда, в Де-Кастри в настоящее время орочи не живут, но часто проходят эту местность во время своих скитаний по тайге и делают здесь временные стоянки. К югу от устья р. Тумнина орочи живут в районе Советской гавани по рр. Хади, Май, также по р. Уй, впадающей в бухту Ванино, и далее к югу, вплоть до реки Копи. По реке Копи в настоящее время живет орочей, приблизительно, столько же, как на Хади и Май. Таким образом, северной границей территории орочей нужно считать залив Де-Кастри, южной—реку Копи. Восточной границей территории орочей служит Японское море, или, вернее, пролив Невельского. Западной границей является водораздельная линия хребта Сихота-Алинь.

На юге и западе от орочей, по рр. Нельме, Светлой, Самарге, Име, Ваку, Бикину, Хору, а также по всем их притокам живут удэхэ. На севере по р. Амуру и его правым притокам, между селениями Софийским и Маринским и ниже живут ольчи. Несколько к западу, между селением Софийским и стойбищем Ади, живет смешанное население гольдов и ольчей. На северо-за-

паде от орочей по р. Амуру от Ади и почти до самого устья р. Усури живут гольды.

Кроме того, нужно отметить, что по хребтам, более богатым альпийской флорой, в летнее время на

Гиндя (по-русски Лукерья).

Героиня кровавой драмы в ст. Улька. Снята во время камлания, которое она совершила через 3 недели после самоубийства мужа, чтобы возобновить сношения с духами, прерванные кровавой драмой.

Gindia (in Russian Lukeria).

The heroine of a drama resulting in blood-shed at the encampment Ulka. Taken whilst performing religious rites three weeks after the suicide of her husband in order to restore and revive intercourse with the spiritual world broken by the occurrence of the above episode.

территорию орочей с севера заходят со стадами оленей тунгусы. К сентябрю—октябрю месяцам они ежегодно выходят к устью р. Тумнина, а также в Сюркум, где и происходят в это время ярмарки.

Первыми из культурных народов с орочами познакомились китайцы. В их летописях орочи назывались юпитазами, что значит в переводе «варвары в рыбьих шкурах». Впрочем, под этим наименованием у китайцев числились не одни орочи, а все туземцы Амурского края. Таким образом, китайцы не отличали орочей от гольдов, ольчей и др. Из европейцев с орочами первый познакомился французский мореплаватель Лагеруз во время своего плавания в Татарском проливе в 1783 г. Вслед за ним эти же берега посетил англичанин Браунтон в 1793 г. Из русских первым встретился с орочами (а, может-быть, лишь слышал о них) адмирал Невельской в 1848—51 гг. Из ученых исследователей края первые сведения об орочах мы находим у академика Л. Шренка, который познакомился с ними,

правда, кратко и более по наслышке, во время своей зимовки в земле гиляков и путешествия по р. Амуру, совершенного в эпоху окончательного занятия края русскими в 1848—51 гг. Как я уже сказал, Шренк объединил орочей с удэхэ, и вследствие этого на его карте вся территория от теперешнего г. Владивостока, по берегу, вплоть до земли гиляков, показана занятой орочами. Лучшее знакомство с орочами В. П. Маргаритов. Он совершил экспедицию к орочам по поручению Общества Изучения Амурского Края в 1886 г. и тем самым произвел первую научную рекогносцировку. Им собраны краткие сведения по этнографии орочей, измерено 51 особой и, кроме того, вывезена коллекция предметов быта и культа и 17 орочских черепов, в числе коих один с полным скелетом. В 1894 г. по земле орочей путешествовал генерального штаба капитан С. Леонтович, который собрал краткие этнографические сведения и составил орочско-русский словарь. В 1896—7 гг. у орочей был Брайловский, который, впрочем, более обстоятельно познакомился с соседями орочей—удэхэ. К этому же времени относится знакомство с орочами Л. Я. Штерн-

Мапачака Акунка.

Молодой шаман, любовник Гиндя (Лукерья), герой кровавой драмы в ст. Улька.

Mapachaka Akunka.

A young shaman witch doctor, the lover of „Gindia“ the heroine of the drama that took place at the Ulka encampment.

берга. За последнее время у орочей часто бывал В. К. Арсеньев. Но удивительно, что этот исследователь края почти ничего не написал об орочах. Из всего сказанного видно, что только один Маргаритов в действительности наблюдал орочей, и поэтому мог ска-

зять о них что-нибудь положительно. Но и он написал о них лишь очень краткую статью (вместе с записями сказок всего 56 страниц). Таким образом, орочи до настоящего времени оставались неисследованными, и даже ученые, искушенные в вопросах тунгусской этнографии, путали до сегодняшнего дня этот народ с другим.

IV. ЧИСЛЕННОСТЬ ОРОЧЕЙ. ВЫМИРАНИЕ ЭТОГО ПЛЕМЕНИ.

Так как орочей смешивали с другими туземцами Приморья, то точной статистики населения орочского мы не имеем до настоящего времени. Были смешаны

Ульке, в районе Советской гавани и по р. Копи, было 841 человек населения. В настоящее же время, по моей переписи, всех орочей числится 460 человек.

Из сопоставления указанных цифр приходится сделать заключение, что орочи вымирают. За 27 лет, прошедших после переписи 1897 года, население орочей сократилось на 381 человек, или, другими словами, орочи за указанный срок сократились на 45,3% своего численного состава. Орочей постигает та же участь, что постигла уже многие туземные племена Сибири. Куда делся, например, многочисленный и богатый народ омоков, живший между Яною и Колымою, о котором говаривали некогда: «На берегах Колымы более омокских огнищ, нежели в ясную ночь звезд на небе?»

Ороч колет рыбу острогой.

Подобным же образом происходит охота на рыбу с лодки. По струйкам на поверхности воды ороч определяет глубину, бросает туда острогу.

An Orochee spearing fish

The same method as in the photograph is employed when spearing from a boat. The spearsman judges the depth at which the fish is swimming by the wake left on the surface of the water, thrusts down and impales it on his spear.

орочи и во время всеобщей переписи 1897 г. Но так как С. Патканов посвятил особый труд географии и статистике тунгусских племен Сибири, в котором он восстанавливает точную картину численности населения на основании географического распространения, с

Что случилось с одновременно исчезнувшими шелагами? Если не вымерли, то сильно сократились юкагиры, камчадалы (сильно ассимилированные), негидальцы, бирары, остяки и другие сибирские и дальневосточные туземцы.

Группа удэхэ.

Среди них старшина Ньюин (у него на шее знак старшины). Снята в ст Вагумбэ на р. Име в 1913 г. Ньюин — не чистокровный удэхэ; отец его был китаец, а мать — удэхэ.

A group of Udekhe.

Amongst them is to be seen their headman „Nuain“ (wearing his badge of office hung round his neck). Taken in 1913 at the Vagumbei encampment on the Iman. „Nuain“ is not a pure Udekhe his father having been of Chinese nationality.

точным обозначением границ каждого народа, а также по принадлежности к определенному роду и языку, то в настоящий момент можно точно установить, как велико было орочское население в 1897 г. По подсчету Патканова, на территории орочей, т.е. на р. Тумнин,

Какие причины ведут орочей к вымиранию? На основании собственных исследований на месте я прихожу к убеждению, что эти причины разделяются на две категории: 1) условия, коренящиеся в самих орочах, и 2) принесенные русскими и китайскими колониз-

стами. К первым относятся: 1) скудное и нездоровое питание, 2) грязь и антигигиеническая среда, 3) болезни и полное неумение бороться с ними; 4) несовершенство брака и дурное обращение с женщинами. Остановлюсь несколько на подробностях. Несмотря на изобилие рыбы и зверя в стране, орочи питаются скудно и нездорово. Как я уже указывал, мясо и рыбу орочи заготавливают впрок посредством вяления на солнце. Получается так-называемая юкола и вяленое мясо. Оба эти продукта крайне нездоровы, грубы и неприятны на вкус. Летом и зимою орочи едят много совершенно сырой рыбы и без всякой приправы. Таким образом, большинство пищи поедается в сыром виде. Сыроедение обуславливает, в свою очередь, заражение различными паразитами (сосальщики, глисты и др.). Помимо того, употребление сырой рыбы ведет к заболеванию проказой, как это устанавливается современной медициной*). Кроме того, орочи часто испытывают недостаток в самых необходимых продуктах питания, и нередко терпят настоящий голод. Иногда ход рыбы бывает слабый, и орочи не в состоянии заготовить необходимое количество юколы для питания семьи и своих собак. Вследствие этого весной наступает голод.

Вредно отражается на здоровье орочей их нечистоплотность. Достаточно сказать, что орочи в течение всей своей жизни никогда не моются и совершенно не имеют никакого мыла. Они даже не купаются, хотя и живут по рекам. Во время своей экспедиции летом прошлого года, я ежедневно купался в реке, чем приводил орочей в большое недоумение и удивление. Я всячески привлекал их последовать моему примеру, но никогда мне это не удавалось, за исключением одного случая, когда я заманил в воду двоих—старика и молодого ороча. Оказалось, что они совершенно не умеют плавать. Потом я узнал, что орочи вообще не умеют плавать и держаться на воде. Они превосходные пловцы на лодках, но, если случится, что лодка опрокинется, то пловцы в ней орочи складывают руки и тонут, не имея никакой надежды на спасение.

Грязь в жилищах бывает невыносимая. Этому способствует еще то обстоятельство, что пол в жилище земляной и посреди находится огонь, от которого накапливается много золы. Одежду орочи никогда не стирают, и носят ее на себе до тех пор, пока она окончательно не износится. Она становится до такой степени грязной, что невозможно определить, какого первоначально она была цвета. От грязи на коже часто образу-

*) Современные очаги проказы находятся на больших реках или озерах, богатых рыбой, где местное население часто и в большом количестве употребляет в сыром виде рыбу: низовья рр. Амура, Волги, Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи. Так было и во времена глубокой древности: библейская проказа, например, была распространена в Месопотамии по рр. Тигру и Евфрату, в Палестине на Геннисаретском озере и т. п. В отдаленные библейские времена, согласно указанию Библии, проказа была очень распространенной болезнью. В одном только Евангелии упоминается о многих случаях проказы. Теперь же эта болезнь среди культурного человечества представляет очень редкое явление. Надо полагать, что в древние времена люди часто практиковали сыроедение, в частности много ели в сыром виде рыбы. Это и вело заражению проказой. Орочи, как сыроедцы, ихтиофаги, подвержены заболеванию проказой наравне с гольдами, гильяками, камчадалами и другими первобытными народами, находящимися в одинаковых с ними условиях существования.

ются нарывы. Больше всего их образуется от уколов, порезов и других повреждений, что часто получают орочи во время своих работ.

Орочи совершенно не умеют бороться с болезнями. Самые невинные болезни, которые мы переносим легко, уносят их в могилу. Так, например, инфлюэнца выражается у них в очень острой форме, тем более что они не соблюдают самых элементарных правил гигиены и мер предосторожности. Во время высокой температуры выскакивают голые и валяются в снегу, что влечет за собою тяжелые осложнения и нередко смерть.

Брак у орочей имеет крайне первобытную форму, а это ведет к тому, что, при несоответственных возрастах мужа и жены, детей вовсе не родится. Немало этому содействует и дурное обращение с женщинами, на которых лежат самые тяжелые, грязные работы. Но хуже всего на здоровье женщины отражается отвратительный обычай изгнания роженицы на время родов из жилища. Это влечет за собою осложнения при родах, различные женские болезни, и, в конце концов, — преждевременную старость и смерть женщин.

Уже одних перечисленных условий было бы достаточно для того, чтобы у ороческого населения не было прироста. Однако, ко всему этому присоединяются еще другие обстоятельства, так-сказать, извне, а именно—со стороны русских и китайских колонистов. Началось дело с того, что приходящие для поселения русские сгоняли орочей со старых, насиженных, удобных мест, сами занимали эти места, а орочей оттесняли в непригодные места. Все русские селения в стране орочей расположены на местах бывших ороческих стойбищ, как, например, Советская гавань, Копи, Датта, Алексеевка и др. Такое оттеснение, разумеется, чрезвычайно неблагоприятно сказывается на хозяйстве орочей, нередко лишает орочей необходимых удобств и разоряет их. При образовании, например, русского селения Датта, орочи перебрались со своего стойбища вверх по реке Ульке, версты за две. Но русское селение года через 3—4 разрослось до таких размеров, что орочи принуждены были сняться с избранного места и подняться вверх по Ульке еще на 5 верст. Уехать дальше им нельзя по той причине, что не хочется потерять близость устья реки, как богатый рыболовный участок. Поэтому они сейчас живут на р. Ульке на чрезвычайно неудобном месте: у них нет даже источника с пресной водой, так как в самой реке, вследствие близости моря и приливов, вода соленая. Бедные орочи принуждены привозить пресную воду на расстоянии в 5—6 верст.

Вместе с тем, одновременно с поселением русских на земле орочей, начинается уменьшение числа промысловых участков и оскудение их, так как леса быстро вырубаются, выжигаются, и там, где до русских были непроходимые лесные дебри с богатой фауной, вплоть до соболя, теперь возникли русские селения, на открытых лугах бродят домашние животные, а кругом раскинулись огороды и поля. Еще более вреда приносят лесные пожары, свирепствующие каждый год весной и осенью. При моем посещении края летом в засуху, были такие грандиозные пожары, что по всей долине реки Тумнина стоял густой дым, который мешал мне фотографировать: на расстоянии двух-трех метров я не в состоянии был снимать группы орочей и их хозяйственные сооружения. Такие пожары губят большие

площади леса и живущих там зверей, что губительно отражается на существовании лесных жителей—орочей, так как с исчезновением зверя исчезает и охота, а ме-

Женщина из племени удэхэ.

A female Udekhe.

жду тем, она-то и дает им средства к существованию. Лишившись охоты, орочи оказываются без заработка, без пищевых продуктов (мясо зверей) и обречены на лишения и голодную смерть.

Кроме того, русские колонисты, поселившиеся на земле орочей, отбирают у орочей их охотничьи и рыбо-

чего участка, и, принужденные довольствоваться плохим, терпят тяжелую нужду.

Много притеснений, обид, а иногда и полных разорений причиняли орочам низшие чины местной русской и китайской администрации. Пользуясь отдаленностью от административных центров и от глаза общества, они занимались вымогательством, взяточничеством и, в погоне за наживой, давали полный простор своему произволу. Китайцы в глухих местах тайги Уссурийского края имеют свою организацию, администрацию и суд, и, находясь на русской территории, она, в сущности, живут по своим законам, каковым подчиняют и туземное население орочей. Обид, притеснений от китайской администрации орочам бывает еще больше, чем от русской.

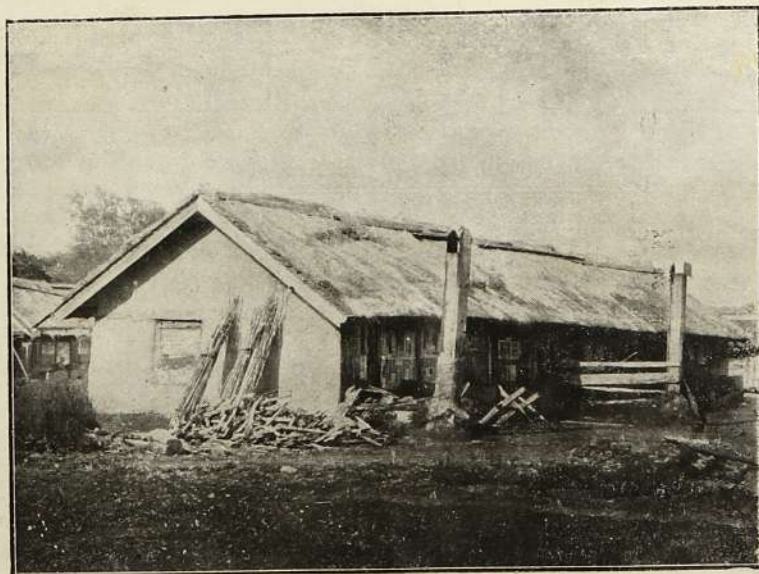
Как русские, так, в особенности, китайцы распространяют среди орочей водку и опиум, и это опять-таки губительно отражается на первобытных туземцах. Они безумно любят водку, и пьют ее, не зная никаких мер и границ, пропивают весь свой сезонный заработок, пропивают ружья и все, что имеется ценного. Это ведет к полному разорению и гибели целых семейств.

Проникая в глухие места тайги, русские и, особенно, китайские колонисты разносят среди орочей разные заразные болезни, с которыми орочи совершенно не имеют средств бороться. Оспа, дифтерит, скарлатина, сифилис, гонорея и другие заразные болезни губят орочей во множестве.

Живущие среди орочей русские и китайские купцы-мехоторговцы держат орочей в жестокой экономической кабале. Особенно этим отличаются китайцы, которые приехали в тайгу с единственной целью наживы и смотрят на орочей и на весь край, как на чуждый им мир. Русской же власти они не боятся и нисколько с ней не считаются, так как умеют избегать встречаться с нею. Они разделяют орочей, как и прочих туземцев края (гольдов, удэхэ, тунгусов) между собою; каждый китайский купец-мехоторговец имеет свою особую территорию, на которой и эксплуатирует живущих здесь орочей, и никакой другой китайский купец-мехо-

Фанза—жилище удэхэ.

Напоминает во многом китайский дом. Дым из очагов проходит под канами и, обойдя кругом вдоль трех стен фанзы, выводится в особую деревянную трубу, находящуюся на некотором расстоянии от фанзы.

A «fansa» inhabited by members of the Udekhe tribe.

It resembles in type dwellings built by the Chinese. Smoke from the hearth, led under the sleeping places built against three walls of the building finds an outlet in a wooden stack placed some distance away from the structure.

ловные участки, и тем самым ставят их в самое тяжелое положение. Иногда после этого орочи не могут уже найти себе хорошего рыболовного или охотни-

торговец не будет ему мешать. Каждый ороч имеет своего купца, с которым и ведет торговлю, и не имеет права менять этого купца на другого. Орочи чрезвы-

чайно честны и никогда не отказываются не только от своего собственного долга, но даже от долга отца или старшего брата. Этим и пользуются спекулянты-мехоторговцы, которые после смерти какого-нибудь ороча являются к его сыну или младшему брату и заявляют, будто бы покойник остался должником на какую-либо сумму. Из почтения к памяти отца или брата ороча соглашается выплачивать долг. Купцы-мехоторговцы раздают свои товары охотно орочам в кредит, а потом, после окончания охотничьего сезона, приезжают получать с орочей эти долги мехами (соболями, белками, выдрами и т. д.). Чтобы навязать свои товары, часто орочам совершенно ненужные, купцы напаивают орочей водкою, и те в пьяном виде забирают больше, чем им надо. Кроме этого, купцы наживают еще на том, что назначают на свои товары произвольно высокие цены, а на меха охотника, наоборот, стараются поставить цены самые низкие. Таким образом, ороча, выплачивая самым честным образом свой долг, все-таки никогда не может его окончательно выплатить, и остается в постоянной экономической кабале у хищника-мехоторговца.

Помимо всего изложенного, русские и китайские колонисты, а более всего — низшие чины администрации и мехоторговцы-спекулянты, часто нарушают нормы и обычаи ороцкого обычного права, не подчиняются сами обычаям и укрывают от заслуженного наказания виновных в нарушении того же права орочей. Это обстоятельство сильно расшатывает родовой строй, подрывает авторитет родовых старшин и крайне деморализующе действует на ороцкое население, особенно на молодое поколение. Много вреда приносит также гонение на шаманство, которое у орочей является необходимым в жизни коренным обычаем. Все перечисленные вредные явления, а особенно два последние, влекут за собою удрученное психическое состояние. Дикарь-ороч видит, что все лучшее и высшее, что он ценит, и во что он верил, затоптано в грязь. Он к крайнему своему огорчению убеждается, что исхода этим печальным явлениям нет, что нет никакой надежды на улучшение жизни, и эти мысли повергают его в тяжелое душевное состояние. Вслед за сим идет стремительное нравственное падение. Дикарь, дотоле честный и жизнерадостный, становится мрачным, озлобленным и способным на кражу, обман, мошенничество и прочие пороки и преступления.

Таким образом, подводя итог сказанному, приходится заключить, что необходимы неотложные меры к устранению вымирания. Мерами этими, по моему мнению, следует считать: 1) Наделение орочей особой территорией для селитьбы и промыслов, на которой орочи свободно могли бы жить по своим обычаям, и куда колонисты не имели бы никакого касательства. 2) Организация медицинской помощи, при чем в первую очередь надлежало бы открыть больницу с необходимым медицинским персоналом и приютом для рожениц. Орочи верят русской медицине и охотно идут лечиться. К каждому русскому интеллигентному человеку они, прежде всего, обращаются за медицинской помощью. Так было и со мною: во многих стойбищах, при первом же моем появлении, меня окружали всевозможные больные, просившие лекарств и помощи. 3) Устранение административного произвола и предоставления орочам права самоуправления. 4) Урегулирование торговли и

промыслов. Под этой мерой я разумею изгнание из страны орочей хищников-спекулянтов и открытие казенного продовольственного магазина, который отпускал бы орочам необходимые товары и принимал бы от них пушнину. Кроме того, для поднятия охотничьего промысла следовало бы устроить соболиный заповедник и вести самую энергичную борьбу с лесными пожарами. Наконец, следовало бы развивать у орочей кустарные промыслы. Орочи большие мастера изготовлять изящные деревянные и берестовые коробки, а также выделывать меха и кожу. На первых порах можно было бы организовать хотя бы только эти виды кустарного промысла, познакомить городскую публику с изделиями орочей, вызвать спрос на указанные изделия и, вообще, найти рынок для них. 5) Искоренение пагубного обычая изгонять роженицу на время родов из жилища. Эту меру следует провести под видом открытия родильного приюта. В таком случае рожениц не будут изгонять из жилища, а будут отправлять в родильный приют. Это произвело бы большое оздоровление женщин-орочек. 6) Школьное просвещение. Последняя мера до такой степени очевидна в своей полезности, что я не буду на ней долгие останавливаться.

V. МАТЕРИАЛЬНЫЙ БЫТ ОРОЧЕЙ.

Жилищем орочей является шалаш трех видов: конический, двухскатный и двухскатный же с вертикальными стенками. Материалом для шалашей служат жерди и лиственничная кора. Шалаш является одновременно и летним, и зимним жилищем. Посредине шалаша разводится костер, дым от которого выходит в отверстие в крыше. Очага для огня никакого не устраивается, только место костра обносится жердями со всех сторон.

Орочи ведут бродячий образ жизни и часто переезжают с места на место, в зависимости от времени охоты и рыбной ловли. Но на тех местах, где им приходится жить долго, у них имеются шалаша, выстроенные раз навсегда. В течение года ороча переедет с места на место раз 5—7, а иногда и более. Амбары у орочей устанавливаются на сваях для защиты запасов от внезапных наводнений и от зверей. На столбах сначала накладывается лиственничная кора гладкой поверхностью книзу, а потом уже сооружается сруб амбара. Эта кора препятствует грызунам и прочим мелким зверкам проникать в амбар. Для хождения хозяев в амбар служит чурбан со ступеньками в виде лестницы; он каждый раз подставляется к дверям амбара и отбрасывается по миновании надобности.

Материалом для одежды орочей служит рыба кожа, звериные шкуры, различные меха, а за последнее время также материи русского и китайского производства. Верхняя часть костюма, одинаковая для мужчин и женщин, представляет длиннополый халат. У женщин эти халаты отличаются обилием украшений по вороту, по краям полы и по подолу. Украшения состоят из орнамента (вышитого, рисованного и наклеенного) и всевозможных побрякушек (медных бляшек, металлических пуговиц и т. п.).

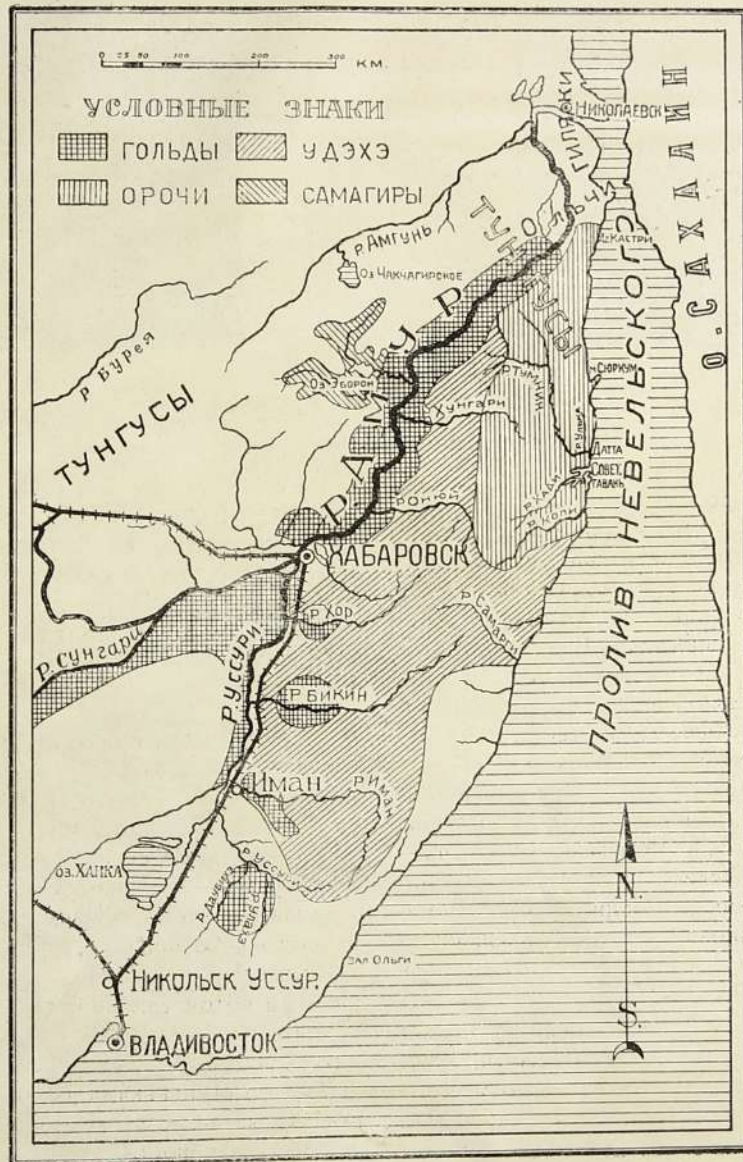
Женщины очень любят украшения и носят их в виде серег, бус, колец, браслетов и диадем. Кроме того, иногда практикуется татуировка. Серьги поражают

своими размерами и большой тяжестью. Я встречал серьги длиною в 25 сантиметров и весом в четверть фунта. Изготавливаются они ороческими кузнецами путем выковывания камнем из русских серебряных монет рублевого достоинства. К таким серьгам подвешиваются каменные украшения. Вследствие непомерной тяжести, уши у орочек сильно оттягиваются и даже прорываются. Можно встретить подчас «красавиц», у которых каждое ухо прорвано в четырех или пяти местах. Иногда серьги носятся и в носу, прикрепляясь к каждой ноздре.

рей, которые считаются съедобными с нашей точки зрения (лось, козуля, кабан), но едят также и соболя, лисицу, белку, выдру, рысь и др. Запасы впрок из мяса и рыбы приготавливаются следующим образом: рыба и мясо нарезаются на тонкие ленточки, которые вывешиваются на особые сушила, где висят под открытым небом и подвергаются всем колебаниям погоды. Если стоит сухая погода, то мясо и рыба вялятся, становятся черными и твердыми; если же погода стоит сырая, то продукты портятся и в них заводятся личинки. Но это обстоятельство

Карта расселения туземных племен в Приморье и Восточной Маньчжурии.

Кроме орочей, занимающих местность к востоку от хребта Сихотэ-Алинь между заливом Де-Кастри и устьем реки Копи, здесь обитают удэхэ, гольды, самагиры, ольчи и другие тунгусские племена. Живущие и северу от них гильяки принадлежат уже к азиатско-американской племенной группе.

Map indicating territory occupied by indigenous tribes in the Maritime Province and in Eastern Manchuria.

Besides the Orochee that range to the East of the Sikhote-Alin between the bay of De Castri and the estuary of the river Kopy, the district is likewise inhabited by the Udekhe, the Golds, the Sam-gir, the Olchee and other tribes of the Tungus race. The Gilyaks who live to the North are no Tungus but belong to the asiatic american racial group.

Мужчины и женщины носят косы. Женщины заплетают волосы в две косы, концы кос складываются в два или три раза, смотря по длине кос, и обвязываются в этом месте красным шнуром. Обе косы спускаются вперед. Мужчины таким же образом заплетают одну косу, которую спускают назад.

В отношении пищи интересным для этнографа представляется то обстоятельство, что орочи почти всю пищу едят в сыром виде. Соли не употребляют совершенно. Главными пищевыми продуктами служит рыба и мясо зверей, при чем орочи едят не только мясо тех зве-

ство не смущает хозяев: эти запасы наравне с хорошими кладут в амбар, откуда и берут их для питания в течение всего года. Помимо мяса и рыбы, употребляется в пищу еще жир животных и рыбий жир, употребляют еще некоторые сорта диких трав.

Глиняной посуды у орочей совершенно нет, и они не умеют ее изготовлять. Это обстоятельство, в связи с сырьем, является чрезвычайно важным в этнографическом отношении, так как ставит орочей на чрезвычайно низкую ступень культурного развития. Вся посуда у орочей деревянная и берестяная. Правда, почти в

каждой семье имеется чугунный котел, но эти котлы, будучи русской фабрикации, появились у орочей лишь с приходом русских, т.-е. только 70 лет тому назад, а ранее этого времени орочи обходились без чугунной посуды.

ночку употребляется маленькая лодочка-однодревка, так-называемая темче или, как принято называть их у местных русских,—оморочка. В ней помещается лишь один человек; плывет он при помощи одного двухконечного весла или при помощи двух шестов, которыми

Ороч из стойбища Хутудатта

A male «Orochee»—Hutudata nomad camp.

Средствами передвижения у орочей служат в летнее время лодки, а в зимнее—лыжи и собачьи сани—нарты. Так как орочи живут по горным быстрым речкам, то они выработали особые виды лодок, пригодные для плавания по быстринам и порогам. Для перевозки грузов и для путешествия в компании употребляются

упирается в дно реки. Эта лодка вполне оправдывает свое название душегубки, и только одни орочи могут быстро и искусно плавать в ней по быстрым горным речкам.

Никаких домашних животных у орочей нет, кроме собаки. Она служит у них, прежде всего, как упряжное

Орочка из стойбища Хутудатта.

Типичная прическа. Две косы, обмотанные красным шнуром, спускаются вперед.

A female Orochee.

Hutudata nomad camp.—Typical method of dressing the hair. Two plaits bound with red twine worn in front.

ульмагда или угдэ—лодки-однодревки, на которых плавают при помощи шестов. Только одни орочи могут безопасно плавать в угдэ, для всякого другого это неустойчивое суденышко губительно. Для плавания в оди-

животное. Каждый хозяин имеет не менее 5-ти собак, но встречаются такие, которые имеют по 15 и 20 собак. Передовая собака, без которой немислима езда, ценится очень дорого: 100—200 рублей. Для кормления со-

бак запасают юколу, т.е. вяленую на солнце рыбу. Чтобы прокормить собак, каждый хозяин должен запа-

всем не кормят, или раза два в неделю, предоставляя им находить пропитание самим.

Орочка из стойбища Улька.

Резко выражено „монгольское“ веко, вследствие чего глаза кажутся косыми.

A female Orochee.

Ulka nomad camp. — Predominant Mongolian Type of eye—lid—giving the eye the appearance of a typical slant.

сти 3.000—5.000 штук рыб. Вследствие этого, собаки часто объедают своих хозяев. В скудные рыбой годы орочи должны сокращать свое питание и даже голодовать, но, несмотря на это, они все-таки не отказывают-

Главнейшим занятием орочей является охота, а после нее—рыболовство. Охота орочей интересна для этнографа в том отношении, что ведется она без применения огнестрельного оружия, с помощью исключитель-

Родильный шалаш.

Сооружается мужем для жены при приближении родов. В нем она должна родить и провести послеродовой период, после чего совершается обряд очищения роженицы с участием шамана.

A peaked tepee or wigwam for the use of pregnant women.

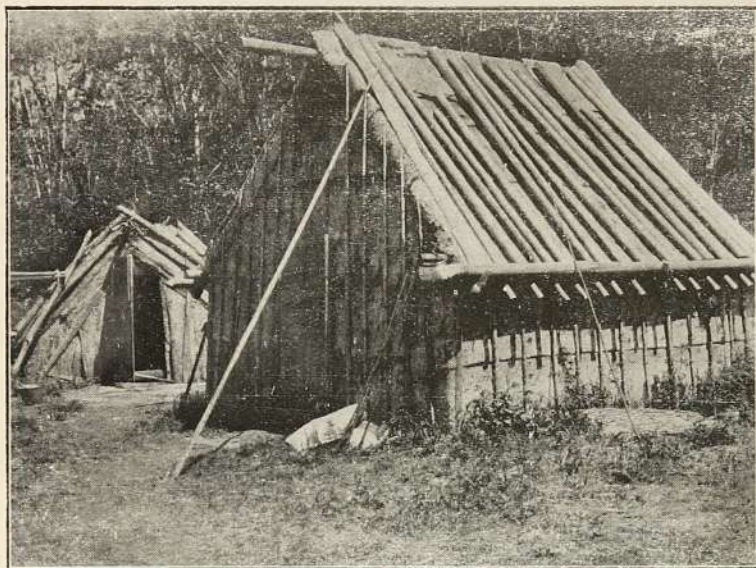
It is erected by the husband for his wife just prior to child birth. Here she is delivered and spends the required period after travail; before returning home she is subjected to cleaning rites performed by the shaman witch doctor.

ся от собак. Действительно, в глухой бездорожной тайге, при глубоких снегах, только одни собаки годятся для перевозки тяжестей и, вообще, для передвижения. Собак хорошо кормят только зимою, а летом или со-

но ловушек, луков-самострелов, петель, западней и т. п. Таким же способом ведется и рыболовство: рыбу бьют острогой и ставят разные ловушки, морды и пр. Описание способов и приемов охоты и рыболовства заняло бы

слишком много места, тем более что при своих поездках я обращал на это специальное внимание, готовя большую работу об охоте первобытных племен Восточ-

оказывается жена лет 30 и более, которая досталась ему за смертью старшего брата. Выше я уже указывал на жестокий обычай изгнания роженицы на время родов

Двускатный шалаш со стенками.

На первом плане справа шалаш со стенками и на заднем плане слева — двускатный шалаш (болоджэ) без стенок. Посреди шалаша помещается примитивный очаг. Для выхода дыма в крыше делается отверстие, закрываемое в ненастную погоду.

A walled in hut with roof of double slope.

At the rear — the same may be seen without walls (bolodje). A primitive stove is placed in the center of the tepee the smoke finding its way out through a hole in the roof that can be closed during bad weather.

ной Азии. Поэтому я не буду останавливаться здесь на добывающей деятельности орочей, а перейду к описанию их семейного и общественно строя.

VI. СЕМЕЙНЫЙ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ. РОДОВАЯ МЕСТЬ.

Семейный строй у орочей имеет много первобытных элементов. Невесту покупают родители жениха, часто еще в то время, когда сыну 10—12 лет. О соответствии возраста жениха и невесты не заботятся, вследствие чего происходят часто такие несуразности, что у мальчика 10—12 лет жена имеет 25—35 лет, или, наоборот, старик женится на маленькой девочке. Помимо того, у орочей практикуется подигамия: некоторые имеют по две, по три жены и более, как позволяет достаток. Существует у орочей и строго соблюдается обычай левирата, в силу чего также наблюдаются большие несуразности. Например, у мальчика лет 8—12

из жилища. Это происходит в силу предрассудка, что роженица является нечистой и опасной. Так как изгоняют роженицу, невзирая ни на какую погоду, хотя бы на дворе был 30—35-градусный мороз или шел снег и дождь, то женщины часто калечатся и даже умирают от осложнений в послеродовой период.

Вследствие того обстоятельства, что у орочей практикуется сыроедение, и нет земледелия и скотоводства, у них совершенно нет детской пищи. По этой причине матери кормят детей очень долго — до 7—8 лет. Не мудрено, что при таких условиях у орочей наблюдается большая детская смертность.

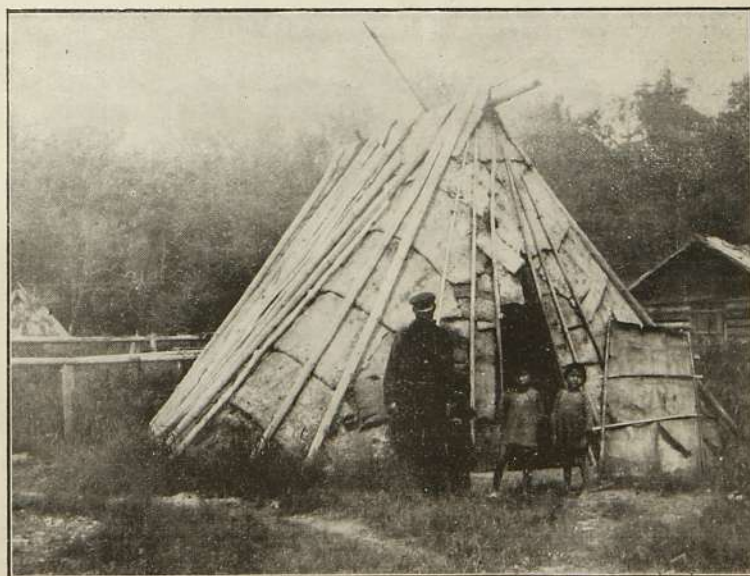
У орочей до настоящего времени сохранился родовой строй. Избранные родовые старшины управляют родом и разрешают спорные вопросы посредством судов. Родовой быт выражается, кроме того, в ежегодных родовых молениях однофамильцев и в торжественных медвежьих праздниках. Существует обычай кровавой мести (кугимачи), который еще не так давно приводил к настоящим войнам одного рода с другим.

☐ Болоджэ — двускатный шалаш без стенок.

Направо сзади — амбар на сваях. Налево — сушила для сушки на них невода.

«Bolodje» of the Orochee.

A tepee with double sloped roof built without walls. Behind and to the rear a store is to be seen erected on piles. To the left a structure for the drying of nets.

Об этих войнах старики в настоящее время часто рассказывают молодому поколению. Можно встретить еще и по сию пору таких стариков, которые участвова-

навливали войны! коварные убийства из засады и открытые сражения происходили как летом, так и зимою, во время ловли рыбы и на охоте. Наконец, обессилевшая сторона высылала парламентаров и просила мира. Между враждующими сторонами устанавливалось перемирие, и велись переговоры. Назначалась байта, т.е. суд стариков (родовых вождей). Председателем на байта (джанги) избирался какой-либо уважаемый и известный родовой старшина из нейтрального рода. Председатель (джанги) садился на возвышенное место, а представители враждующих родов располагались на две стороны, образуя вокруг председателя замкнутый круг. Происходило разбирательство дела. С обеих сторон выступали ораторы, старались найти истинного виновника раздора, подсчитывали погибших с обеих сторон и, наконец, большинством голосов выносили приговор. Виновный род подвергался штрафу (байтабуи). Старик из рода Акунка рассказывал мне, что некогда, как ему передавал дедушка, их род получил с рода Хутунка виру в следующем размере: 20 кусков китайской материи, 3 чугунных котла, 20 халатов, 3.000 русских рублей деньгами, девушку и мальчика. Из дальнейших разговоров оказалось, что это событие про-

Орочка из стойбища Уська.

Обращает внимание типичное выступание скул, выраженное более у женщин, чем у мужчин. В ушах у нее три пары тяжелых серег.

An Orochee woman from the «Uska» nomad camp.

Notice the prominent cheek bones, more distinctive in the women than in the men. Her ears are weighed with three pair of heavy ear-rings.

ли в междуродовых войнах. Начинались такие войны после убийства. Не только намеренное убийство, но и всякое случайное убийство могло оказаться причиной войны. Так, например, нечаянное убийство во время детской игры или калечение (выбитый глаз, сломанная или вывихнутая рука или нога) вызывали кровавую месть. Потерпевший род вооружался луками и гидами (копьями) и шел войною на род убийцы. За всякое убийство мстили не одному лишь убийце или виновнику калечения, но кому-попало из представителей рода убийцы. Таким образом, ответчиком являлся весь род, и мстителем был также весь род, к которому принадлежал потерпевший.

Военные действия происходили не открыто, а чаще делались засады, коварные нападения врасплох без всякого предупреждения и т. п. После первого же убийства с целью кровавой мести, потерпевшие собирались всем родом для самозащиты и отмщения. Разгоралась жестокая, озлобленная война. Убийства с обеих сторон происходили очень часто: падало иногда до 20—30 человек как с одной, так и с другой стороны. Никакая погода и ни одно хозяйственное неотложное дело не оста-

Орочка из стойбища Уська.

Левая коса отодвинута в сторону, чтобы показать три пары тяжелых серег с каменными подвесками в виде кружечков.

An Orochee woman from the «Uska» nomad camp.

The left plait is flung back in order to show the three pair of heavy ear-rings suspended from the lobes of the ear. Heavy stone pendants are attached by chains to the rings.

изошло лет 60—65 тому назад. Полученную виру выигравший род делил между своими членами—семьями сообразно их потерям за время войны: наиболее потерпевшие получали больше. Девушка доставалась в ка-

честве жены в ту семью, где случилась первая кровавая жертва, а мальчик поступал в качестве работника. чуть ли не бесправного раба, в такую семью из рода по-

Типичная прическа мужчины.

Коса перегнута в двое или втрое и обвита красным шнуром с пестрыми кистями.

Typical head dress worn by men.

The tail plait is doubled or even sometimes bent three-fold and bound with red twine interwoven with bright braid ending in tassels

терпевших, где не было сыновей. После уплаты штрафа примирившиеся роды устраивали грандиозный пир, после которого и разъезжались, как мирные соседи и друзья, забыв прежние обиды.

Ульмагда — ороцкая лодка — однодревка.

Очень неустойчива, но легка по ходу. При движении вверх по реке елущие упираются в дно реки шестами, как изображено здесь. При плавании — же вниз по реке пользуются короткими веслами.

Ulmagda - canoe, hewn from a single tree trunk.

Very precarious but of good speed. When travelling up stream this canoe is impelled by poles as seen in the photograph. When going down stream the canoe is guided by a short paddle.

Если убийство совершилось внутри рода, т.е. один сородич убил другого, то кровавой мести не происходит, а назначается суд (байта). Родовой старшина в этом случае бывает председателем суда (джанги), а членами суда (дочи гэту) выборные старики, лучшие знатоки обычного права. Потерпевшая сторона, т.е. ближайшие родственники убитого, оповещают весь род и просят съехаться в определенный день на байта в то стойбище, где жил убитый. Съезжается за малым исключением весь род (ому хала). В стойбище в это время наблюдается большое движение и волнение, происходит предварительное обсуждение вопроса в небольших группах. Наконец, родовой старшина открывает собрание. Все сородичи садятся в большой замкнутый круг, председатель занимает середину этого круга. Происходит судоговорение. Сначала выступают потерпевшие или обвинители, потом допрашивают свидетелей, если таковые были при совершении преступления, затем может говорить кто пожелает из числа собравшихся, наконец, дают слово подсудимому (байта багани). Приговор выносят с общего согласия всего собрания. Смертной казни и телесного наказания у орочей не существует, а все наказание выражается в штрафах или вирах, размер которых колеблется в зависимости от характера преступления. За тяжкие преступления (намеренное убийство) штраф (байтабуй) назначается высокий, за малые преступления (нечаянное убийство, несчастные случаи) штраф назначается небольшой. Штраф состоит из халатов, посуды, денег и украшений. При тяжелых преступлениях в штраф входит девушка — сестра или дочь подсудимого. Весь штраф поступает в пользу потерпевшего (отца убитого или брата). Председатель и члены байты приглашаются затем на пир, устраиваемый за счет подсудимого. Это и составляет их вознаграждение за труды.

Воровства у орочей почти никогда не происходит. Старики не помнят ни одного случая кражи, и я лично убедился в удивительной честности орочей. При своих поездках по их территории я часто оставлял свои сундуки открытыми, и ни одной вещи не пропало. Амбары орочей со всякими запасами и хозяйственными вещами остаются всегда без запоров (орочи совершенно не имеют замков) и стоят в таком виде в разных местах

тайги очень долгое время без присмотра хозяина, и тем не менее никогда ничего не пропадает из них.

Мелкие преступления, ссоры и тяжбы разбирает родовой старшина без созыва байты.

VII. РЕЛИГИЯ ОРОЧЕЙ. МЕДВЕЖЬИ ПРАЗДНИКИ.

Религия орочей представляет смесь тотемизма, обожания природы, почитания предков и магии. Шаманство служит для сношения с духами. Оно так распространено, что в каждой семье есть свой шаман. Многие шаманы славятся по всей территории племени. Шаманы употребляют особый костюм с побрякушками, поют песни, играют на бубне. Функции их многообразны и сложны: они лечат больных, приносят жертвы, ворожат, колдуют, хоронят и поминают умерших, приглашаются в несчастных случаях, помимо того, увеселяют сказками, песнями, игрой на бубне и своей пляскою.

Тотемистические воззрения орочей выражаются в почитании определенных скал, тигра и медведя. Тотемом в этнографии принято называть животное или какой-либо предмет природы, которые почитаются дикарями за предков. В честь тотема у дикарей существует особый культ: тотема почитают, при встрече с ним поклоняются ему, приносят жертвы, но в то же время в определенные сроки его при торжественной церемонии убивают (если тотем—животное), и мясо его, как тело и кровь божественного прародителя, съедают для укрепления связи с ним.

Каждый ороцкий род производит себя от каких-либо животных или даже неодушевленных предметов. Так, например, род Мулинка предполагает, что когда-то, в незапамятные времена, он произошел от скалы на речке Мулин (приток р. Тумнин). Сначала из скалы образовались мужчина и женщина. Стали они жить вместе как муж и жена. От этой пары и произошли все орочи рода Мулинка (Хала Мулинка).

Род Тыктемка, по убеждению сородичей, произошел также из скалы. Это было на речке Тыктема. Там сейчас еще видны в скалах углубления в виде дыры. Из этих дыр вышли первые люди Тыктемка.

Сначала Мулинка жили сверху, а Тыктемка внизу по течению реки. Потом поехали Тыктемка вверх по реке. Приняли их Мулинка хорошо. Дали им рыбы и мяса. Согласились оба рода жить вместе и образовать один род. Прожили так некоторое время, но потом Тыктемка собрались и переехали вверх. Там и живут теперь. Их было сначала очень мало, но потом они размножились, и стало очень много. Стали Тыктемка кичиться перед другими родами своим многочисленным. Стали они хвастаться перед Мулинкой. «Нас так много, что, если-б мимо нас плыл не валежник, а угдэ (лодки) с людьми, то мы могли бы перебить их всех». За такое хвастовство Эндурди (небесный дух) наказал их. Они вымерли все; теперь осталось лишь несколько человек.

Еще более яркие тотемистические воззрения можно наблюдать в отношении орочей к тигру и медведю. Тигра (амба) орочи считают священным животным и никогда на него не охотятся. Они считают его своим предком. Если охотник встретит в лесу тигра, то бросает ружье, становится на колени и читает особые молитвы.

Вот одна из таких молитв, записанная мною у орочей.

Би хуунду пульси синева, Амба, пчеха.	Я в лес пришел, тебя, Амба, увидал.
Аджл, аджа ва минева.	Не надо, не надо убивать меня.
Си минева пчеха.	Ты меня увидал.
Иеа нэмби.	Глаза вытаращил (глаза све- тящиеся).
Ива мычи.	Что думаешь?
Минева Джятыну.	Съесть меня?
Луу! адже, адже—джяпы.	Ну, ну! не надо, не надо есть!
Адже джлва минева	Не надо трогать меня!
Гуджясе, гуджясе минева.	Пожалей, пожалей меня!

О тигре у орочей существуют различные легенды. Рассказывается, например, что тигр обладает способностью мгновенно исчезать; охотник видит его свежие следы, в которые еще вода не успела залиться, но самого зверя не видно. Тигр, по мнению орочей, способен к различным метаморфозам. Далее, легенды рассказывают о склонности тигра к половому сожителю с орочками. У орочей даже существуют имена женщин и названия местностей, с которыми связаны подобные легенды. Я сам записал ряд легенд, повествующих о любовных похождениях тигра среди женщин. Иногда тигр изображается в легендах добрым и благодарным существом. Одна из таких легенд записана мною на реке Хади в районе Советской гавани со слов одного старого ороча. Вот она.

Однажды один охотник из рода Бисанка возвращался домой. Подходя к своему болодже, он увидал, что в дверь болодже стучится тигр, бьет лапой, царапает и кричит. Испугался охотник и еще более страшно ему стало за жену и детей. Но тигр не рвался в болодже; он, как-будто, вызывал людей к себе. Когда охотник подошел ближе, он заметил, что в передней правой лапе тигра сидит большая заноза, в виде острого сучка. Видя, что тигр страдает от занозы, охотник смело подошел к нему и вынул сучок из лапы тигра. Тигр замолчал, облилиз свою лапу и ускакал в тайгу. Охотник зашел в болодже, успокоил жену и детей, а сучок положил на полку. Ночью охотнику приснился тигр и сказал, чтобы охотник сделал из сучка аджеха (изображение тигра) и вспоминал о нем в трудные минуты; за доброе будет отплачено добром. Охотник так и поступил. Действительно, когда у охотника случалась какая-нибудь беда или нужда, он вспоминал тигра, и все исполнялось по желанию охотника и к его благополучию. Поэтому охотник зажил после этого очень счастливо и богато.

Если орочи встретят в тайге труп тигра или нечаянно убьют его сами, то устраивают в этом случае торжественные похороны тигра.

Подобно тигру, медведь также считается священным животным и почитается за божественного предка—родоначальника. Но, тем не менее, на медведя орочи охотятся и мясо его едят с соблюдением торжественных церемоний. У них существуют особые «медвежьи праздники». Охота на медведя—одно из любимых развлечений орочей, и ведется она с особенной осмотрительностью и серьезностью. Главная охота бывает зимою.

Каждый охотник всегда высматривает, не попадутся ли ему осенью следы медведя. Если он встретит их, то осторожно идет по ним, чтобы отыскать берлогу,

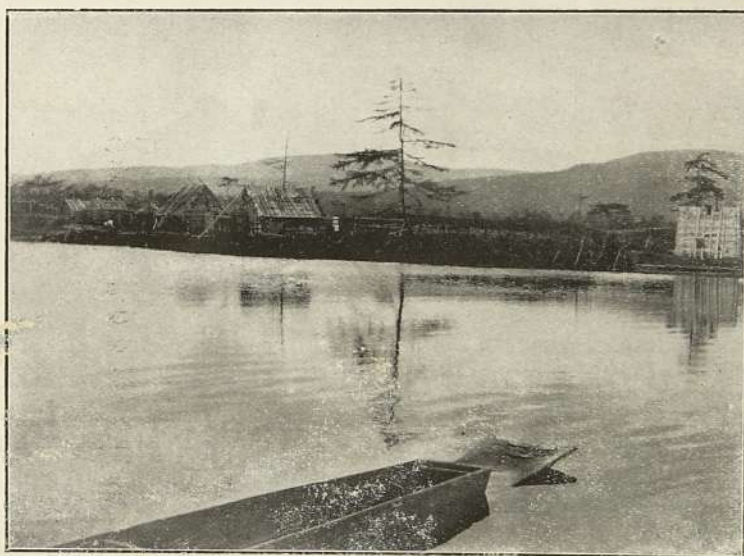
В которой медведь залёг на зимнюю спячку. Найдя берлогу, охотник не предпринимает на медведя охоты, а посредством особых вех отмечает местонахождение берлоги; такие же вехи он ставит по тайге от берлоги вплоть до речки, протекающей в лесной долине, чтобы потом без затруднения найти берлогу.

В конце зимы, когда вся промысловая охота кончается, и охотники будут свободны, нашедший берлогу медведя и отметивший ее вехами приглашает несколько человек (от 3 до 10) на охоту за найденным медведем. Охотники вооружаются «гидами», то-есть копьями и под путеводительством нашедшего медвежью берлогу на лыжах отправляются в лес. В это время от берлоги медведя обыкновенно идет пар, а снег над берлогою от дыхания зверя становится желтым. Охотники становятся на назначенные по общему уговору позиции, и кто-нибудь начинает дразнить зверя через отверстие берлоги. Медведь просыпается и

Доставив убитого зверя в стойбище, все участники охоты разъезжаются в разные стороны по всей территории народа и приглашают всех мужчин на «медвежий праздник», день для которого назначается охотником, отыскавшим медведя. К назначенному дню съезжаются все однофамильцы нашедшего и устраивающего праздник. По-орочски съехавшиеся родственники называются «эму-хала» — «одна фамилия» или, вернее, «один род». Помимо сородичей, на медвежий праздник приглашаются, как я уже сказал, гости, т.-е. соседи, знакомые, часто даже иноплеменники, например, китайцы, русские и т. п. Всех участников праздника собирается иногда очень много: человек 30—50. Сородичи нашедшего медведя ведут себя как хозяева: они принимают деятельное участие по устройству праздника, собирают продукты для изготовления кушаний, покупают водку, табак, заботятся об удобстве съехавшихся гостей, не принадлежащих к их роду, и т. д.

Орочское стойбище Уська.

На первом плане видна носовая часть лодки ульмагды. На носу у нее устраивается лопатообразный выступ для того, чтобы об него разбивались волны и не забрызгивали нос лодки.

Orochee nomad camp «Uska».

In the foreground the nose of an „Ulmagda“ canoe is to be seen. A spade like screen is built under water in front of the bow to break the force of the waves and protect those in the canoe from being drenched.

сначала яростно рычит, потом высовывает морду до глаз, чтобы посмотреть, кто его беспокоит; но все-таки ему не хочется расстаться со сном, и он снова скрывается в берлогу. Охотник опять начинает дразнить его; зверь опять с ожесточенным ворчанием высовывает морду, теперь уже до ушей, но все-таки не теряет надежды уснуть спокойным сном и опять уходит в дальний угол берлоги. Наконец, видя, что несносные охотники никак от него не отстают, разъяренный зверь чрезвычайно быстро выскакивает из берлоги и набрасывается на первого попавшегося ему из охотников. Но они стоят на таком расстоянии от берлоги и друг от друга, что куда бы ни бросился медведь, он непременно будет окружен охотниками и немедленно пронзен смертельным ударом гида.

Убив медведя, охотники, однако, не приступают к дележу добычи, и, вообще, мясо медведя оставляют неприкосновенным. Для съедания медвежьего мяса устраивается торжественный праздник всех сородичей с многочисленными приглашенными гостями.

Если стойбище находится близко от того места, где был убит медведь, то убитого зверя немедленно доставляют в стойбище. Если же расстояние до стойбища большое и путь неудобный, то мясо медведя разрубается на части, и выжидается благоприятная погода, и тогда уже добыча доставляется в стойбище.

В день праздника все собравшиеся надевают нарядные одежды и собираются к жилищу хозяина медведя и выбирают представителя пира. Таковым оказывается всегда один из стариков сородичей хозяина, знающий хорошо обычай старины и уважаемый всеми. Он садится на почетное место. Хозяин торжественно подносит ему голову медведя и становится в это время на колени или низко кланяется. Председатель берет поднесенную голову, высказывает ему благодарность за оказанную честь и желает ему успеха в охоте и предсказывает, что он еще не раз убьет медведя и осчастливит сородичей родовым праздником. Кроме того, старик-председатель обращается ко всем сородичам, поздравляет их с праздником и высказывает пожелания здоровья, успеха в охоте и т. п. Сейчас же после этого старик-председатель передает от себя подарки хозяину медведя; эти подарки состоят, обыкновенно, из собаки, длинных ремней для увязывания возка на нартах, лука и каких-нибудь иных охотничьих принадлежностей. В это время гости тоже передают хозяину медведя подобные же подарки, привезенные каждым из своего дома. После этого все участники рассаживаются по местам, а старик-председатель идет к котлу, где сварилось медвежье мясо. Он берет из котла мясо и бульон в особый сосуд, делит все мясо на столько частей, сколько присутствует участников, и

каждому дает кусочек мяса и порцию бульона. Чашки, ложки и, вообще, все столовые принадлежности, употребляемые на медвежьем празднике, в обыденной

пания скоро становится очень разговорчивой, а потом поднимается невообразимый шум, крик, брань, а иногда даже затеваются ссоры. Пир этот продолжается до самой глубокой ночи, а иногда даже не прекращается и ночью. На следующий день происходит то же самое: опять варка медвежьего мяса, раздача его и пир. Продолжается пиршество до тех пор, пока не истощатся запасы продовольствия (дня 3—4). Медвежье же мясо, как святыня, съедается очень скоро—в один день или в два, остальное же время идет пир, уже не имеющий ритуального значения.

Медвежий праздник получает другие черты, если в берлоге найдут медвежонка. Убив медведицу, медвежонка берут живым и приводят в стойбище. С мясом убитой медведицы поступают как описано, а медвежонка торжественно водят по всему стойбищу, заходя с ним в каждый шалаш. Каждый охотник желает, чтобы дорогой гость—почитаемый зверь побывал в его

Ороч в полном снаряжении на охоту.

За спиной у него ружье, спереди колчан со стрелами, в правой руке посох для хождения на лыжах, в левой—копье.

An Orochee in typical hunting dress.

His gun is slung on his back, in front a quiver supplied with arrows is suspended, in his right hand he holds a staff to help him when snow shoeing, and in his left he carries a spear.

жизни никогда не употребляются; они украшены резьбой и в орнаменте их непременно фигурирует или медвежья голова, или весь медведь. Когда порции медвежьего мяса розданы, хозяин медведя подносит старику-председателю рюмку водки, становясь в это время перед ним на колени. Старик-председатель обмакивает в рюмке свой палец и брызжет с него водкою в стороны, принося таким образом духу медведя жертву; после этого он выпивает водку и ест свою порцию медвежьего мяса. Все участники также принимают есть свои порции. Старик-председатель, отведав медвежьего мяса, берет у хозяина сосуд с водкой и рюмку и угощает водкою всех присутствующих, начиная с хозяина. На столиках появляются, между прочим, и иные кушанья, изготовленные для праздника: различного рода каши, испеченные перед огнем костра лепешки, рыба и т. п. Гости и сородичи много едят, а больше того пьют водки, так как старик-председатель только и делает, что подливает им водку, да и хозяин медведя тоже усердно угощает и кушаньями и водкою всех участников. Через самое короткое время все пирующие становятся пьяными, и дело кончается диким безобразным обжорством и попойкой. Тихая в начале ком-

Невеста в брачном наряде.

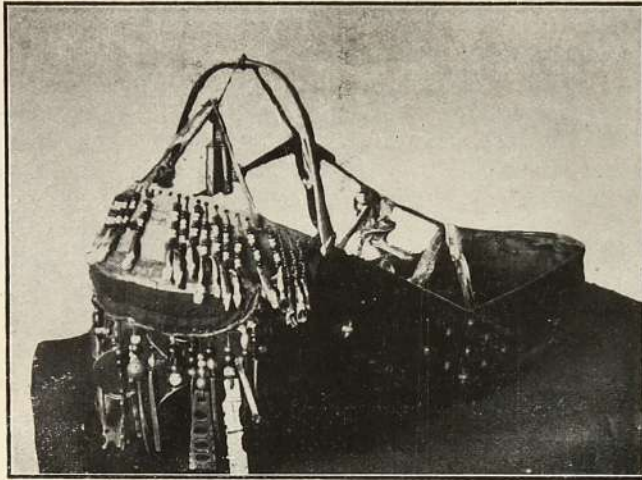
На ней нарядный невестин пояс. С левой стороны на нем два ножа в ножнах для вырезывания ими узоров; справа игольник и сумочка для мелких вещей по рукоделию.

A bride in her wedding dress.

She wears the national bride's girdle. On the left side she carries two speathed knives used for the cutting out of ornamental patterns. On the right a needle case and small bag containing the necessary small articles used in embroidery.

жилище. Поэтому, когда водят медвежонка, то каждый хозяин выходит из своего шалаша навстречу и с поклонами просит зайти к нему. Медвежонка водят за два длинные и крепкие ремня, которые держат с каждой стороны человека по 3—4. Вслед за медвежонком идут

все собравшиеся на праздник, а также все жители стойбища. Это хождение со зверенышем доставляет участникам необыкновенное веселье и оживление. Все весе-

Орочская колыбель.

Она состоит из двух половинок, соединенных друг с другом под углом. На одной половине располагаются ноги ребенка, на другой—спина его. Ребенок пеленается и подвязывается в колыбели в согнутом, полусидячем положении. К колыбели подвешено много побрякушек (костей и зубов животных, различных безделушек), издающих при качании колыбели шум. Качается колыбель на ребре угла.

Cradle.

It consists of two halves fitted together at acute angles. The infant's feet rest on one of the halves whilst its back rests on the other. The child is swathed and trussed up in the cradle in a semi-reclining position. A number of rattles are attached to the cradle (of bone, animal's teeth etc.) that create a noise when the cradle is rocked.

лы, всем интересно посмотреть на смешные движения медвежонка. Каждое забавное неловкое поворачивание вызывает взрыв самого неудержимого и громкого хохота. Много шума, разговоров, остроумных замечаний. Для большего веселья и оживления, а, может быть, и для большей торжественности, несколько человек непрерывно бьют палками в особое сооружение, называемое у орочей гуджяджи. Последнее представляет два столба высотой сажени в две, вбитые в землю в наклонном положении. На вершинах столбов надеваются кисти из древесных стружек, подобные тем, что одевают на себя шаманы. К столбам подвешивается в горизонтальном положении бревно, на одном конце которого очень искусно вырезается голова медведя. Это бревно при ударах по нему издает громкий звук.

После обхода стойбища медвежонка сажают в особую приготовленную для него клетку, а вся компания идет к хозяину медведя есть медвежье мясо, которое к этому времени уже сварилось. Еда мяса происходит так же, как выше мною описано. На следующий день праздника опять выводят медвежонка и ходят с ним по стойбищу. Одним словом, его водят столько дней, сколько будет продолжаться праздник, а потом запирают в клетку, где он и будет содержаться три-четыре года. Кормят его усиленно и следят за ним очень внимательно.

При воспитании медвежонка разыгрываются ежегодно очень интересные для постороннего наблюдате-

ля сцены, а именно: перевод медвежонка из старой клетки в новую. Это чрезвычайно трудная и опасная работа, требующая большого числа участников. Для этого дела собирается обыкновенно все стойбище, а так как эта процедура является для орочей большим развлечением и даже праздником, то съезжаются еще и с других стойбищ. Таким образом, набирается иногда народу человек 30—40. Клетка медведя представляет бревенчатый сруб, вышиною в рост человека и по площади 4—5 квадратных сажен. Для кормежки устраиваются отверстия, а сверху настилается потолок, на который кладут какой-либо тяжелый груз, чтобы медвежонок не мог его поднять. При переводе медвежон-

Шаман Мапачака Акунка.

На голове у него венец из древесных стружек. Сзади пояса навешено много железных побрякушек в виде полых конусов, а также большой медный круг (толи), обозначающий солнце, которое и должно освещать шаману путь в темном подземном мире, куда шаман летает, по мнению орочей, во время камлания.

The «Shaman» Mapachaka Akunka.

His head is adorned with a wreath made of wood shavings. A number of hollow conical rattles of iron and a large copper disc (toli) are attached to his girdle at the back. The copper disc is intended to depict the sun that is supposed to illuminate the way for the shaman in the shadowy underworld, whither the shaman gropes his way, according to popular belief, when performing his religious rites.

ка в другую клетку его необходимо связать. Для этого орочи изготовляют крепкие ременные петли и суют их на пол клетки. Но зверь рвет их, грызет и отбрасывает; таким образом накинуть взрослому уже медвежонку петли на все четыре ноги представляется делом чрезвычайно трудным. На это уходит иногда целый день, особенно в тех случаях, когда медвежонок стал

уже большим и сильным медведем. В последнем случае ременные петли даже не пригодны, а требуются железные цепи. Орочи, во всяком случае, добиваются того,

Шаманский алтарь.

Перед алтарем находятся идолы частью с человеческими головами и частью в виде уток. Над одним человекообразным идолом находится идол в виде кабана. Перед таким алтарем шаман приносит жертвы.

A «Shaman» altar.

Idols are placed before the altar some of which are fashioned with human heads, others taking the form of ducks. An idol in the form of a wild boar is placed above that having human semblance. The Shaman priest makes sacrifice before such an altar.

чтобы все четыре ноги медведя поймать в петли (а у взрослого особые петли с железными цепями) и растянуть его ноги по полу. После этого потолок у клетки

разбирают, к медведю заскакивают несколько смельчаков и одевают на него крепкий хомут с железными цепями. Когда это сделано, старую клетку разбирают, и медведя переводят в новую, более просторную. Медведь в это время сильно кричит, бьется; не менее того кричит вся компания, занятая работой. Во всяком случае, перевод медведя является большим событием для всего стойбища.

В течение всех трех-четырех лет, пока воспитывается медвежонок, хозяин его ежегодно в конце зимы устраивает медвежий праздник. Однако, эти праздники не полные, так как медвежонок не убивают, а, следовательно, мяса не едят. После прошествия же трех лет, когда зверь становится вполне взрослым, хозяин назначает день медвежьего праздника и оповещает об этом всех своих сородичей, соседей, друзей и знакомых. К назначенному дню съезжаются все приглашенные к шалашу хозяина. День праздника начинается вождением медведя по стойбищу. Так как медведь стал большой, то держат его за цепи и ремни человек по десяти за каждый конец. Иногда вождение происходит в течение двух-трех дней. Когда же наступает время убийства, медведя привязывают к дереву так коротко, чтобы он не мог свободно двигаться вокруг него. Около дерева на некотором расстоянии (3—4 сажени) ставят кольца с древесными стружками на вершинах их. Племянник хозяина (сын его сестры) назначается убивать медведя. Племянник (а за отсутствием его кто-либо из сородичей по выбору хозяина) вооружается луком и стрелами с железным наконечником и становится на расстоянии 40 сажен от медведя. Ему предоставляется право сделать четыре выстрела. Если из этих четырех выстрелов он сделал хотя бы одно попадание, ему разрешается приблизиться на пять сажен и снова стрелять. Но чаще всего он не делает ни одного попадания. В таком случае хозяин избирает из присутствующих кого-либо по своему усмотрению, кого он считает лучшим стрелком, дает ему также четыре стрелы и ставит его на место предыдущего стрелка. Если этот стрелок из четырех выстрелов сделает хотя бы одно попадание, ему тоже разрешается приблизиться к медведю на пять сажен. Иногда случается, что несколько раз приходится менять стрелков, так как никто из них не может попасть в медведя. После же каждого попадания

Орочское кладбище.

На могиле кладутся вещи покойника: у мужчин—лодки, лыжи, сети и оружие, а у женщин—коробки с приборами для рукоделия и кухонная посуда.

An Orochee place of burial.

The belongings of the deceased are placed on the tomb—males having their boats, snow shoes, nets and armament placed on the grave whilst the resting places of females are adorned with their implements of embroidery and cooking utensils.

стрелки приближаются на пять сажен, Медведь получает все более и более стрел, а стрелки подходят к нему все ближе и ближе. Весь народ в это время стоит в две шеренги вправо и влево от стрелка и при выстреле машут еловыми ветками по направлению летящей стрелы и громко восклицают. Когда же будет замечено, что медведь близок к издыханию, хозяин берет лук сам и добивает его. У особого ствола недалеко от медведя привязывается собака, обреченная в жертву духу медведя. Около нее стоит один ороch с колом и следит за медведем. Как только медведь будет делать последнее издыхание, этот ороch убивает собаку одним ударом кола.

Убитого медведя потрошат. Шкуру снимают так, чтобы на ней осталась целиком голова. Ее кладут на особо изготовленный помост, покрытый пихтовыми или еловыми ветками. В ноздри медвежьей головы засовывают веточки брусники. Перед медвежьей головой ставят столик с кушаньями в маленьких чашечках (с рыбой, кашами, лепешками, мясом и др.). Это—жертвы духу медведя, божественному родоначальнику. Жертвы приносит избранный собранием старик-председатель.

Он подходит к медведю, кланяется, обнимает его голову, целует ее и говорит следующие слова:

Би амагыха синду.	Я пришел к тебе.
Дыля дживаха, би чейкай синева.	Голову вяла, я целую тебя.
Мапа, мапа, аджа тагда минева.	Старик, старик, не надо сердиться на меня.
Би синду агдылаби джюу буха.	Я тебе много пищи давал.
Си тас агдылаби джяпты джюу.	Ты много пищи ел.
Аджа тагда, аджа тагда минева.	Не надо сердиться, не надо сердиться на меня.
Би хуунду пудеси бычи.	Я в лес пойду охотиться.
Гуджясе минева.	Пожалей меня.
Бачима минева, аджа тагда минева.	Увидишь меня, не сердись на меня.
Би синева сингири маймакэ.	Я тебя не обижал.
Си минева хуунду бачи, аджа сингири.	(Если) ты меня в лесу увидишь, не надо обижать (меня).
Оси синева ваха оду.	Теперь тебя убили здесь.
Герэни ви амагыха синева пчи.	Все люди пришли тебя смотреть.
Тава герэни ни синева ваха.	Вот все люди тебя убили.
Оси синзу укта джяпты.	Теперь твое мясо (будет) есть.

После старика-председателя к медведю для подобно же поклона подходит хозяин пира, а за ним все присутствующие.

Сейчас же разводят 20—30 больших костров, приносят котлы и готовят все для варки медвежьего мяса. Всю работу исполняют исключительно мужчины.

После жертвоприношения шкуру с головою снимают, голову и хвостик срезают, кладут их на поднос украшают еловыми ветками и древесными стружками, и хозяин торжественно на глазах всех присутствующих подносит поднос старику-председателю, становясь перед ним на колени. Тот принимает подношения, бла-

годарит и высказывает пожелания, как описано мною выше. После этого старик-председатель и все гости передают хозяину подарки, а затем происходит торжественное вкушение медвежьего мяса и пир, как это описано выше.

Грандиозные костры пылают в это время на лесной площадке, где происходит пир. Все участники рассаживаются компаниями человека по 4 за маленькие столики, на которых расставлены всевозможные кушанья. Медвежье мясо из разных частей туши нарезается маленькими кусочками, которые штук по 10 низываются на тонкие деревянные палочки. Этих палочек изготовляется огромное количество: штук 300—400. Собаку, принесенную духу медведя, кладут рядом с ним. После церемонии поклонения медведю ее потрошат и варят, а потом мясо ее едят одновременно с мясом медведя. Вследствие этого на палочках, в числе кусков медвежьего мяса, всегда находятся и кусочки собачьего мяса. Орочи едят во время пира чрезвычайно много, так что пьянеют от одной еды. Многие после еды идут в шалаши и засыпают, но молодежь, обыкновенно, идет на лед речки или моря и там предается всевозможным играм и забавам, а потом опять возвращаются к кострам и снова едят. Так же поступают и те, что ушли заснуть. Они просыпаются и идут к своим местам за кострами. Пир, таким образом, продолжается беспрерывно в течение всего дня и прекращается только глубокой ночью, чтобы возобновиться на следующий день. Смотри по запасам продуктов и водки, он может продолжаться 5—6 дней и более. После же окончания гости и сородичи разъезжаются по домам.

Медвежий праздник совершается положительно у всех туземцев Приморья. Я остановился на описании ороchского медвежьего праздника вследствие того, что он мне знаком по моим наблюдениям и, кроме того, не описан еще никем в литературе.

Про медведя у туземцев существуют многочисленные легенды, в которых он изображается добрым и благожелательным по отношению человека существом. Часто в этих легендах рассказывается о том, как медведь спас кого-либо из людей от неминуемой смерти, предупредил об опасности и т. д. Вот одна из таких легенд, записанная мною со слов старика-ороча на реке Хади.

Однажды осенью пошли орочи выследивать медведя. Нашли они медвежьи следы и пошли по ним. Следы привели к крутой скале и пошли вниз. Орочи не могли спуститься вниз: скала была слишком крута. Предложили одному из своей артели по фамилии Каунджа спуститься на веревке. Каунджа согласился. Охотники привязали к его поясу веревку и стали спускать его по скале вниз. Спустили они Каунджа далеко вниз и спрашивают: «Хорошо ли тебе там». Он ответил: «Хорошо». Тогда охотники отрезали веревку и ушли. Сделали они это со злой целью погубить Каунджа, чтобы один из его товарищей мог жениться на жене Каунджа. Остался Каунджа один. Страшно ему стало. Кричал, кричал он своим товарищам, но они не откликались. Стал он осматриваться кругом. Видит,—пещера, а к ней ведут следы медведя. «Значит, медведь в самом деле спустился сюда»,—подумал Каунджа. Не решился Каунджа один выходить на медведя, да и оружия у него, кроме ножа, никакого не было. Оставался Каунджа в безвыходном положении; взобраться на скалу было невозможно, а идти дальше некуда, так как скала обрывалась прямо в море. Долго стоял он в раздумьи. Вдруг из пещеры выходит медведь. Подошел он к Каундже, толкнул его лапой и направляется в пещеру, всем сво-

им видом показывая охотнику, чтобы и тот тоже шел в пещеру. Охотник подумал: «Мне теперь все равно умирать, пойду с медведем в пещеру». Вошел он в пещеру и видит, что медведь здесь сделал на зиму берлогу; натаскал травы, веток, мху, так что у него получилось уютное и теплое жилище. Медведь лег на свое логовище и взглядом приглашает охотника лечь рядом. Постоял охотник и почувствовал, что у него закружилась голова, он потерял сознание и упал на мох рядом с медведем.

Прошло много времени, сколько—охотник не знает. Проснулся он и видит, что лежит рядом с медведем и сосет у него пяточку. Но сейчас же охотник впал опять в беспамятство. Прошло еще сколько-то времени. Охотник проснулся, так как медведь толкал его в бок лапой. Разбудивши охотника, медведь вышел из берлоги, а потом вернулся и стал выталкивать из берлоги охотника на свет. Когда охотник вышел, то увидел, что наступила уже весна, лед и снег растаяли, стало тепло, зазеленела растительность. Обрадовался охотник и захотелось ему домой. Посмотрел на него медведь, подошел к нему и знаком стал показывать, чтобы охотник садился к нему на спину. Понял Каунджа, что хотел медведь; сел ему на спину. Медведь несколько раз испытал, крепко ли сидит охотник и, когда почувствовал, что тот сидит хорошо, стал забираться на скалу. Он быстро и очень ловко залез на самый верх, откуда в прошлом году коварные товарищи спустили Каунджа. Узнавши местность, Каунджа соскочил с медведя, настрогал тонких длинных стружек из ивового ствола и повязал ими медведю голову, туловище и все четыре ноги. Все это он сделал в знак уважения и благодарности, как поступают и с шаманом. Потом Каунджа поклонился медведю земно, поблагодарил его и пошел домой.

Пришедши домой, Каунджа увидел, что жена его лежит в постели израненная и хворает. Оказывается, товарищи его, вернувшись домой, сказали, что он умер в тайге. Один из этих злых товарищей требовал от жены Каунджа, чтобы она вышла за него замуж. Но жена не верила в смерть своего мужа и хотела остаться верной ему. Озлобленный ее отказом, злодей хотел насильем добиться ее согласия и нанес ей много ран ножом. Узнавши об этом, Каунджа пришел в ярость, побежал к обидчику и убил его. Сам же взял жену свою, все свое имущество и переехал жить на другую речку далеко от старого местожительства.

Помимо тотемизма, религия орочей заключает в себе, как я уже сказал выше, веру в духов природы. Орочи верят, что все предметы в природе живые и каждый из них имеет такую же душу, как и человек. Души (или духи) предметов природы часто очень могущественны. Весь мир переполнен этими духами. Они живут в каждом дереве, скале, в ручьях, озерах, в море, на луне, на солнце, на звездах и т. д. Орочи боятся духов природы и стараются задобрить их жертвами и угловорить в своих молитвах.

Так, например, орочи верят, что морской стихией управляют различные духи. Самый старший и наиболее добрый из них Намуэндури. Но, помимо его, существует множество низших, как добрых, так и злых духов.

Каждая бухточка, каждый залив, вообще, каждая часть моря имеет своего духа—хозяина. Этим духам орочи перед отправлением в море молятся и приносят жертвы. Вот, например, молитва, которую читал при мне ороч, и которую я записал с его слов.

Би наму оси ганы.	Я на море теперь пошел.
Оси минева, Намуамба, одже спигаре.	Теперь меня, морской чорт, не трогай, не обижай.
Минева наму аялаби би.	(Пусть) мне на море хорошо будет.
Уэ, ады маймакэ би,	Волны, ветра нету (не будет),
бикни маймакэ.	умирать не буду.
Би наму ганы угда бычи.	Я на море поеду в лодке охотиться.
Намуамба, минева одже спигаре.	Морской чорт, меня не трогай, не обижай!
Би синева касегалэ.	Я тебе молюсь.
Гуджянка минева.	Пожалей меня.

Орочи почитают большие прибрежные скалы и поклоняются им. Две скалы, знаменитые у орочей, находятся по обеим сторонам устья р. Тумнина. Они далеко вдаются в море и имеют вид грандиозных столбов. Один из этих столбов орочи называют Мачача (что значит старик, отец), другой называют Мамача—мать, старуха. Часто этим столбообразным камням молятся и приносят жертвы. Вот молитва обращенная к камню женского рода:

Сородэ, Мамача.	Здравствуй, Мать.
Би наму угда амагха спигу, Мамача.	Я по морю в лодке пришел к тебе, Мать.
Хауде ая наму би.	(Пусть) хорошо на море будет.
Синева касегалэ.	Тебе молюсь.
Синева бачиха.	Тебя увидал.
Гуджясе минева.	Пожалей меня.
Би голэ наму ганы.	Я далеко в море пошел.
Тава синева касегалэ.	Теперь тебе молюсь.
Минева гуджясе, Мамача.	Меня пожалей, Мать.
Га би синду нолы буй дамхи, хойдэбэлэ, явада буйджюу синду.	Вот я тебе брошу, дам табаку, рису, всякое дам кушанье тебе.
Гуджясе минева.	Пожалей меня.
Наму адже тагда минева.	На море не надо сердиться на меня.

Когда охотник упоминает о жертве, он в это время бросает в воздух маленькие порции табаку, рису, мяса и другие жертвы.

THE OROCHEE TRIBE—CONGENERS OF THE MANCHUS.

AN ETHNOGRAPHICAL SKETCH.

By J. A. LOPATIN.

Adjunct professor at the Far Eastern University, Vladivostok.

I. Introductory Observations.

The Orochee tribe, together with the Golds, afford considerable interest to any one engaged in the study of the history of Manchuria. Both the above are the next of kin to the Manchus. The Orochee dialect is very similar to the language spoken by the Manchus, and the Gold and Orochee methods of speech are so very strongly allied, that the members of these two different tribes understand one another without difficulty. The study of the economic life, social existence, communal structure and religion affected by the Golds and Orochee casts an illuminating light upon the remote and bye-gone history of Manchuria.

II. A sojourn in the land of the Orochee.

During the summer of 1924 the author took a trip into territory inhabited by the Orochee tribe. The journey commenced at Vladivostok. After having reached Soviet Harbour (formerly Imperial Harbour) by steamer, the author continued his journey by launch as far as Data Bay, and from thence he followed the river Tumnin up stream in an Orochee canoe (ulmagda), stopping off at every inhabited spot en route. Interpreters and boatmen that accompanied him were all native Orochee. In this manner the author reached the furthest Orochee settlement on the river Tumnin, Hutudata, and later continued his research down the rivers Hadi and Kopi, visiting many native settlements situated on the shores of Vanino Bay.

III. Former investigation of the Orochee. Geographical distribution of the tribe.

The densely wooded tracks of the Maritime (Primorsk) province form the place of habitation of the Orochee, Udekhe, Tungus and Gold tribes. All these, being of the Tungus family, are related with the Ural-Altai group of the yellow race. The inter-allied Orochee, Udekhe and Gold tribes belong to the Manchurian Branch of the Tungus family, whilst the Tungus s. str. appertain to the Northern offshoot of this family. Confusion always reigned and exists up to now in the

correct designation of this tribe. The people themselves answer to the name of „Orochee“ whilst the Russians, that found their way to the Primorsk borders 70 years ago, and were acquainted with the descendants of a Tungus tribe of deer farmers to be met with in the Transbaikal and Amur provinces—the Orochons, incorrectly gave this new tribe the same name, erring on the side of a similarity of sound. The matter culminated in that the Orochee themselves, when in converse with Russians alluded to themselves as Orochons, the local Russians having no knowledge of the correct term «Orochee», and never using it in their speech. The confusion was further enhanced in that the Russian investigators of the territory such as Nadaroff, Belkovitch, Alitan and Leontovitch, although they began to use the correct appellation of Orochee included under this general designation also their Southern and Western neighbours belonging to quite a separate tribe—the Udekhe. Until the investigations conducted by Brailovsky in 1897 the name «Udekhe» was absolutely unknown and was never used in literature, and in matter of practice, the «Orochee» were not discriminated from the «Udekhe». Nevertheless the difference existing between them is very striking. They do not resemble each other, have a different language and at the same time a great difference is to be noticed in their occupations, economic life and general culture. For instance the male Orochee wear but one plait bound with twine and worn at the back, whilst the Udekhe wear two, likewise bound with twine, but worn in front. The Udekhe are almost always clothed Chinese fashion whilst the Orochee, on the contrary, never wear Chinese garb but affect a costume of their own. The Udekhe build houses of the Chinese fansa type, whilst the Orochee have no knowledge of such and live in the most primitive of hovels. The Orochee, with very rare exception, do not engage in husbandry and vegetable gardening and have not acquired the fell habit of smoking opium. In general, it may be noted, that the Udekhe have to great extent fallen under Chinese influence and have even acquired their language.

Chinese culture has affected the Orochee only to very slight degree. They do not understand the language and it is not without reason that they designate the Chinese in their own dialect as Manchus. In point of fact they had no knowledge of the Chinese until the

last few decades and had never before come in direct contact with them.

The dialect spoken by the Orochee differs to such a degree from that in vogue with the Udekhe, that the Orochee can sooner and better understand the language spoken by the Golds and Olchee of the Amur than that habitual to the Udekhe, whom they have dubbed in their own dialect «Kiakar», whilst the latter style themselves «Udekhe» in their own tongue.

Owing to the absence of written data and dependent upon their primitive level of culture the Orochee have no history of their own, the national memory being but poorly developed and retaining nothing of note in regard to the past history of the people. It is true, that in popular verses mention is made that they came from the North and that in the past the Orochee were deer herdsman. It chanced that I wrote down a story in which it was said that once a father gave a flock of deer as a marriage portion to his daughter, and placed her upon a reindeer packed with every kind of useful stuff. Afterwards in talking over this story with my audience they all declared that formerly, in the past, the tribe had owned flocks of reindeer. L. Sternberg jumped to this conclusion 28 years ago, but at the time the authoritative opinion voiced by the academician L. Schrenk was still paramount, who affirmed that the Orochee had migrated from the South. At present it can with greater assurance be affirmed that the Orochee came from the North, and had, in point of fact, at some prior period, been possessed of herds of reindeer, but had lost these owing to an epidemic of murrain as is often the case, even now, with the Tungus tribes. This surmise may be to certain extent supported by their traditions, and by a certain number of other indications, i. e. the northern type of their dwellings (bolodje), that bear a close resemblance to the habitations of the Tungus; the structure of their infant cradles and lastly their yearning to return to their immemorial hunting grounds at the sources of the rivers adjacent to the Amur.

The Udekhe, on the contrary, must be accepted as having migrated from the South. L. Schrenk, who made no difference between the Orochee and the Udekhe must be understood as having had this in mind. The well known sinologist, the archimandrit Palladi, asserted without fear of contention that the T'a-tze (i. e. Udekhe) were of Southern origin and not the Orochee as was later accepted by Brailovsky and others. Consequently this confusion was called forth by former investigators not distinguishing two separate tribes one from the other—the Orochee from the Udekhe.

The question of the origin of the Orochee is closely allied to that determining the primal or ancestral territory inhabited by the Manchus. If this was situated in the South of Manchuria then their genealogical tree must be derived from the legendary Su-shen annotated in Chinese folk lore through the Yi-lou and later Moho. If it be taken that the Yi-lou and Po-hai 渤海 are related to the Koreans, and the ancestral home of the Turkish—Mongol Tungus progenitors be sought for in Southern Altai, then the Su-shen, Yi-lou and Po-hai cannot be accepted as having been related to the ancestors of the Orochee. In such case it will be found admissible to accept the premise that the progenitors of the Orochee followed the Argun down to its junction with the Amur and settled in

the lower reaches of the latter river. Here at the beginning of the VII century B. C. the power evidenced by the Po-hai 渤海 become greater, from whom the clan called Hei-shui, or the dwellers of the Black river, the Amur at the time being known under this name—became detached. The Orochee and Golds sprang from this tribe of black river dwellers—the Hei-shui, later apparently the Orochee, crossed the divide and descended into the valley of the river Tumnin from where they migrated to the territory now occupied by them. Such migration must have taken place at no distant date, some 300—400 years ago. The Orochee themselves indicated to me personally that the territory watered by the river Tumnin had been theirs from time immemorial. At the present time the valley of this river is most densely ranged by this tribe.

The banks of the rivers Tumnin, Ulka, Siurkum and to the North as far as the gulf of De Castri, are now settled by the members of the Orochee tribe. In reality the shores of De Castri are not inhabited by this tribe, but they often pass through this territory during their nomad wanderings through the virgin forests of the district. To the South of the river Tumnin we find the Orochee settled within the region of Soviet Harbour in the district watered by the rivers Hadi, Mai and Hui, that empty into the Bay of Vanino, and further South right up to the river Kopi. At present the number of this tribe, to be found on this latter river, is equal to that settled along the rivers Hadi and Mai. Consequently the Northern boundaries of the territory inhabited by the Orochee must be taken as being confined by the Gulf of De Castri to the North, and the river Kopi—to the South. Their Eastern boundary is guarded by the Sea of Japan, or to be more correct, by the Nevelskoi or Tartar Straights, the Western boundary being demarcated by the Sihote Alin divide.

To the South and West of the territory inhabited by the Orochee, the Udekhe have their habitat on land watered by the rivers Nelma, Svetlaia, Samarga, Ima, Vakh, Bikin, Khor and all their tributary streams. The Olchee are settled on territory lying to the North of the Amur and its right confluents found between the Sofiisk and Mariinsk settlements. Somewhat to the West, between the Sofiisk settlement and the nomad camp of Adi a mixed tribe of Golds and Olchee find existence. The Golds live to the North West of the Orochee along the banks of the Amur from Adi right up to its confluence with the Ussuri.

Besides which it must be noted that in summer Tungus tribes with their reindeer herds invade the territory occupied by the Orochee crossing the mountain ranges rich in Alpine flora. Annually during the months of September-October they trek to the estuaries of the rivers Tumnin and Siurkum, where at the time a market is held,

The first of the cultured nations to get in touch with the Orochee tribe were the Chinese. Their historical annals record that this tribe was named Yü-pi-t'a-tze by them, which if translated means „barbarians clothed in fish skins“. But not only did the Orochee tribe come under this name, the Chinese classed all the aborigines of the Amur basin under this heading. Consequently the Chinese did not discriminate the Orochee from the Golds or the Olchee etc. Of foreigners the first to become acquainted with the Orochee was the French explorer Laperouse d'

ring his visit to the Tartar Straights in 1783. Later these shores were visited by the Englishman Broughton in 1793. The first Russian to come in contact with the Orochee tribe (but perhaps he only heard of them?) was admiral Nevelskoi in 1848—51. The Academician L. Schrenk was the first scientific investigator to afford us any particulars regarding this tribe, who came into touch with them, more likely by hearsay, during his winter sojourn in the land of the Gilyaks and journey down the Amur, undertaken by him after the territory had been finally occupied by the Russians in 1848-51. As has already been pointed out Schrenck confounded the Orochee with the Udekhe, and as a result the chart mapped out by him delineated the whole territory, lying between the present site of Vladivostok and the area occupied by the Gilyaks, as having been inhabited by the Orochee. V. P. Margaritoff was best acquainted with the existence led by the Orochee tribe. In 1886 he set out on an expedition to them under the auspices of the Amur Section of the Imperial Geographical Society, and was the first to conduct investigations on a scientific basis. He collected important ethnographical data concerning the tribe, took the measurements of 51 individuals, besides which collected and took with him articles representative of the cultural level attained and existence led by the tribe, as well as 17 Orochee skulls with one complete skeleton. In 1896—7 the Orochee were visited by Brailovsky, who however took a keener interest and devoted more attention to their neighbours—the Udekhe. The acquaintance of L. Sternberg with this tribe can also be attributed to this period. Latterly the Orochee have often been visited by V. K. Arsenieff, but it is curious to note that this investigator has written almost nothing dealing with the habits and life of the tribe. All this tends to prove that Margaritoff alone took the pains to investigate the Orochee in fuller detail, and consequently was enabled to supply affirmative evidence concerning them.

But even he confined himself to but a short article of some 50 pages about them. Thus it may be concluded that the Orochee have, up to the present, been but sparingly investigated and that scientists, skilled in the matter of Tungus ethnography, have not discriminated the above tribe with others settled in the district.

IV. Statistics of the Orochee. Their Extinction.

According to investigations made by the author the existing number of this tribe is equal to 460 souls. If we compare this number with that of the census of 1897 we find that the tribe has decreased by 381 individuals or by 45,3%. The Orochee similar to the aboriginal tribes inhabiting Siberia and the Far East are quickly becoming extinct. The reasons why they should be dying out are given by the author in the following: 1) insufficient and unwholesome food 2) dirt and unhygienic surroundings 3) illness and complete inability to withstand the strain of any disease or ailment 4) imperfect marriage conditions and ill-usage of females. Besides the reasons recorded above, that have been prevalent from time immemorial with the tribe, the fish grounds for their extinction have been supplied with the arrival of the Chinese and Russians

in their midst: 1) the dislodging of the Orochee by the incursors from former territory, adapted to their needs, to an unsuitable fresh area, 2) the curtailing of industrial sections and their impoverishment, 3) the confiscation by colonists of fishing and hunting grounds, 4) the persecution, contumely, outrage and ultimate ruin encompassed by some corrupt officials and by local merchant magnates, 5) infectious or contagious diseases introduced and disseminated by the Russians and the Chinese 6) rapacious and criminal methods employed in exploiting the labour of the aborigines affiliated to the economic state of serfdom in which the natives are held by the Chinese 7) the infringement of individual right and suppression of the rights of inheritance 9) oppression and persecution exercised against religious and «shaman» rites 10) owing to the last two causes a state of supreme mental depression is increasingly manifested, with 11) consequent laxity in moral behaviour.

The requisite, opportune and immediate measures to be employed, according to the author, in overcoming this fell process of extinction in the tribe can be embodied in: 1) the allocation of suitable territory for purposes of colonization and industrial growth 2) the organization of medical help 3) the abolishing of arbitrary administrative rule and the granting of the rights of self-government 4) the regulation of trade and commerce 5) the abolition of the pernicious habit of isolating a woman preparatory to her giving birth to a child 6) educational enlightenment.

V. Economic existence of the Orochee tribe.

The Orochee live in dwellings of three types: a tepee or wigwam peaked or conical, with double sloped roof and the same with vertical walls. Birch-bark and pole uprights are the material used in building this primitive edifice. These tepees are inhabited both winter and summer. A fire is kept burning in the center of the tepee, the smoke of which finds a way out through a vent in the roof. There is practically no hearth, the fire itself being safeguarded in an enclosure of poles.

The Orochee lead a nomad existence and often migrate from one place to another, dependent upon their favorite pursuits of hunting and fishing. But at those places where they spend a more or less settled existence, they build tepees or wigwams of a permanent character. During the period of one year the Orochee changes his place of abode 5—7 times and even more. Barns and storehouses are erected on piles to safeguard them against unforeseen floods and the assaults of wild beasts. The vertical uprights are first covered with a sheath of larch bark, the smooth side outward and then only are the logs of the erection put in place. This bark prevents rodents of all species from gnawing a way into the barn. A wooden log with hewn out steps serves as a means of entrance, and the owner has to put this in place whenever circumstance requires that he visit his store of provender, putting this primitive ladder aside on leaving the barn. Fish skins, the pelts of different wild animals and various furs are employed by the Orochee in making their articles of clothing. Latterly however, they wear cotton stuffs of Chinese and Russian manufacture. Their outer clothing, for men and women alike, has the appear-

ance of a long skirted dressing gown. The women affect a preponderance of ornamental work on the collar, the skirt and lappets. This work consists of ornamental embroidery to which all manner of trinkets, are attached (copper discs, metal buttons etc.).

The women are very fond of trinkets and wear them as ear-rings, beads, bracelets, finger-rings and diadems. Besides which they are sometimes tattooed. The ear-rings excite one's curiosity by their dimensions and exceeding weight. It happened that I came across ear-rings 25 centimetres in length and weighing more than a quarter of a pound. They are made by Orochee smiths by the hammering out of Russian rouble pieces. Stone ornaments are appended to these ear-rings, increasing their weight to such extent that the wearer's ear lobes are very much disfigured, sometimes even bursting under the strain. One may meet an Orochee «beauty» whose ear lobes have been rent in four or five different places. Sometimes (but not often) rings are worn in the nose, attached to each nostril.

Both men and women wear pigtails. The women braid their hair in two plaits, the ends of which are turned over two or three times, dependent upon the length of the plait, and are bound together with red owine. Both plaits are worn in front. The men wear the pigtail plaited in the same fashion, but worn at the back.

In regard to food, from an ethnographical viewpoint it is interesting to note that the Orochee eat most of their food raw, salt being never used. Their principal sources of nourishment are provided by fish and the flesh of wild animals, the Orochee not only devouring the flesh of such animals as considered edible from our point of view (the moose deer, wild pig), but also eating the flesh of such unsavoury animals as the sable, the fox, the squirrel, the otter, the lynx and others. A sufficient provision of meat and fish are cut into thin strips, that are hung out to dry in the open but under cover, subject to every and other change in the weather. If the weather remains fine and dry, the meat withers well and turns black and hard, but if damp weather prevails then the meat is not properly desiccated and it becomes infested with weavils. But this circumstance is but of negligible moment to the mind of the Orochee; the supplies, good and bad alike, are safely stored. Besides the above, fish oil and animal fat are used as food as well as certain kinds of wild herbs.

The Orochee do not possess any kind of earthenware cooking utensil and they have not acquired the art of turning them. This circumstance allied to the fact that the tribe eat their food in a raw state is a matter of deep ethnographical interest, as it proves the low status of cultural development attained by the Orochee. Dishes used by them are made either of wood or birch-bark. It is true that almost every family possesses a cauldron, but these being of Russian manufacture, have appeared amongst them only after the arrival of the Russians some seventy years ago. Prior to this they managed without any cooking utensils whatsoever. The methods of locomotion in vogue with the Orochee are by boat, in summer, and on snow shoes or on sleds drawn by dogs—in winter. As this tribe is generally settled on the banks of a tempestuous and swift mountain stream, they have evolved a special type of canoe, or dug-

out, suitable to the conditions of shooting the rapids that dot these turbulent rivers. For the purpose of transporting freight or large companies of people the «ulmagda or ugde» is used, that is poled up-stream. Only the indigenous Orochee have acquired the art of handling an «ugde» canoe, for any else this most unstable craft spells disaster. For single expeditions a small canoe called in the vernacular «temche» or by the Russians «omorochka» is used. It is built to hold only a single person and is brought in motion by a double-ended paddle or by two poles held in each hand. It is very unsafe and topsy-turvy, and as already mentioned only the Orochees have learned the art of mastering its vagaries.

The Orochee do not keep any other domestic animal besides dogs that perform the duties of carriers and of haulage. Each head of a family possesses not less than five but more opulent owners have as many as 15—20. The leader, without which traction is impossible, is as a rule a very valuable possession, being priced at 100—200 roubles. Dried or «yukola» fish provides them with their food. Every owner, in order to feed his dogs has to store a supply of 3000—5000 fish annually. Owing to this the dogs often eat their master out of house and home, and when the haul of fish during the season has been poor, the owner has often to reduce his own rations and even suffer hunger in order to make proper provision for his dogs. Nevertheless they never do without their dogs. In point of fact in the dense primeval taiga forest, with the ground covered with a thick pall of snow, only dogs are suitable as hauling agents and for the purposes of locomotion in general. Only in winter are the dogs well fed, in summer they are not fed at all, or at the most once or twice a week, as a rule being allowed to fend for themselves.

VI. Domestic and social organization. Family blood-feuds.

The domestic organization prevalent among the Orochee is distinguished by many elementary traits. A bride is purchased by the bridegroom's parents when the boy has reached but 10—12 years of age. No great attention is paid to disparity of age. A boy of 10—12 may wed a man of 25—35 and a man already advanced in years may be united in wedlock to a mere child of a girl. Besides which polygamy is recognized by the members of this tribe, some of whom possess two or three wives according to the measure of their affluence. The system of taking a wife by right of inheritance is likewise practised amongst the Orochee and is strictly enforced, leading to still greater incongruity. For instance a woman of 30 or more, that fell to his lot owing to the death of his elder brother is wed to a boy of 8—12 years of age. Attention has already been called to the cruel and inhuman practice of driving a pregnant woman out of the dwelling. This is due to the prevailing superstition that a woman about to give birth to a child is unclean and therefore dangerous.

As a woman in this state may be driven out into the extreme cold or rain results often in that she becomes a cripple for life or even dies from complications arising from this uncouth practice.

Owing to the fact that the Orochees eat their food in a raw state and that they are not occupied in agriculture and possess no other domestic animals besides the dog, they are destitute of fit food for children at a tender age. Consequently the mother suckles her child for the unusual term of from 7—8 years. It is hardly to be wondered at, therefore, that the percentage of infant mortality is exceedingly high.

The Orochee have retained, even up to the present time their hereditary clan organization. The hereditary elders administer all matters affecting the clan and settle disputes by tribunal. Besides which this class prejudice is to be noted at prayer meetings attended by families bearing the same name and at bear festivals. Blood feuds (kugimachi) even yet have existence that in the not very distant past led to the waging of actual warfare between one clan and another.

VII. Religious beliefs of the Orochee. Bear festivals.

Religious rites as practised by the Orochees are a mixture of totemism, of nature-worship, a form of ancestor worship, and fetishism. The Shaman priesthood act as intercessors between the living and the supernatural world of spirits. Every clan has its own shaman or priest some of which are renowned through-

out the whole territory of the tribe. They wear a special dress, a buck skin shirt decorated with innumerable pieces of many coloured rags, down the back of which dangle strings of red, green and white tape. Across the shoulders an iron rod is born to which are attached innumerable pieces of metal. The Shaman beats a drum of wapiti hide with a stout drum stick padded with some rare fur. The duties performed by them are most varied and multifarious: they doctor the sick, make sacrifice on the occasion of misfortune or death, conduct requests and prayers, are soothsayers and weather prophets, bury the dead, do battle with evil spirits, perform magic and in fact run the superstitions of the people for their own benefit, and at the same time create a source of diversion by relating tales, chanting songs, beating the drum and frenzied dancing.

The Orochee revere the tiger and the bear as their sacred ancestors. In honour of the bear they celebrate solemn and noisy festivals at which all members of a clan are present and to which friends, acquaintances and neighbours are invited. After conducting different ceremonials and rites the bear is killed, obeisance is made to its corpse, and then the flesh is cooked and eaten. Every bear festival terminates in an orgy of food and drink. The author gives a detailed account of the happenings at one of such bear festivals.

MANCHURIA RESEARCH SOCIETY

LIST OF PUBLICATIONS.

GENERAL PUBLICATIONS:

By-Laws of the Manchuria Research Society (in Russian). 1922.

Do. in Chinese. 1923.

Review of the Manchuria Research Society (in Russian).

* No 1. Nov. 1922.

— 2. Jan. 1923.

— 3. June 1923.

— 4. Fabr. 1924.

* — 5. May 1924.

Do. in Chinese. No. 1, July 15th, 1923.

PUBLICATIONS OF THE INDUSTRIAL AND COMMERCIAL

No 1. The Forests and the Timber Industry of North Manchuria. 1923.

— 2. The Cereal Trade and Milling Industry of North Manchuria. 1923.

* — 3. The Manchurian Hard-Coal Market. 1924.

* — 4. East Mongolia and its raw products. 1924.

* — 5. Dairying in China and North Manchuria. 1924.

Separately:

A. I. POGREBETSKY. Monetary Circulation and Currency in the Far East during the War and Revolution (1914—1924). Harbin. 1924.

1923 EXHIBITION PUBLICATIONS:

Bulletin of the Manchuria Research Society Museum and Jubilee Exhibition of the Chinese Eastern Railway No. 1—2.

Premiated Trade and Industry of North Manchuria. 1924.

MISCELLANEOUS PAPERS:

Series A:

Fasc. 1. N. A. BAIKOFF. The Manchurian Tiger. With 2 maps and 15 illustrations and 1 coloured-plate. Harbin. 1925.

„ 2. B. W. SKVORTZOW. The Giant Water Lily of the Sungari Lakes. With illustrations and 2 plates. Harbin. 1925.

„ 3. A. A. BOLOTOFF. The Amur and its Basin. With 35 illustrations and 1 map. Preceded by „The Amur“. An Introductory Survey by Prof. V. V. Lamansky. Harbin. 1925.

4. B. W. SKVORTZOW. Gourd Plant Cultivation by the Chinese in North Manchuria. With 17 illustrations and 3 plates. Harbin. 1925.

„ 5. N. A. BAIKOFF. The Manchurian Wapiti. With 9 illustrations and 1 map. Harbin. 1925.

„ 6. I. A. LOPATIN. The Orochee Tribe—Congeners of the Manchus. With 31 illustrations and 2 maps. Harbin. 1925.

„ 7. B. W. SKVORTZOW. The Plum Tree in Northern Manchuria. With 11 illustrations. Harbin. 1925.

„ 8. A. A. PURIN. Aims and Problems of Electrometeorology. Map and 3 graphs. Harbin. 1925.

OBTAINABLE FROM:

The Museum of the Manchuria Research Society.

11, Moskow Bldg, HARBIN, Manchuria, China.

Publications marked with * are out of print.

MANCHURIA RESEARCH SOCIETY

Miscellaneous Papers. Series A. Fasc. 6

SECTION OF HISTORY AND ETHNOGRAPHY

I. A. LOPATIN

Adjunct Professor at the Far Eastern University,
Vladivostok

The Orochee Tribe— Congeners of the Manchus

- I. INTRODUCTORY OBSERVATIONS.
- II. A SOJOURN IN THE LAND OF THE OROCHEE.
- III. FORMER INVESTIGATIONS OF THE OROCHEE.—GEOGRAPHICAL DISTRIBUTION OF THE TRIBE.
- IV. STATISTICS OF THE OROCHEE.—THEIR EXTINCTION.
- V. ECONOMIC EXISTENCE OF THE OROCHEE TRIBE.
- VI. DOMESTIC AND SOCIAL ORGANIZATION.—FAMILY BLOOD-FEUDS.
- VII. RELIGIOUS BELIEFS OF THE OROCHEE.—BEAR-FESTIVALS.

With 31 illustrations and 2 maps

HARBIN
1925

